

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

СЕМЬЯ В ЗАКОНЕ

Владимир Григорьевич Колычев

Семья в законе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=420912

Владимир Колычев. Семья в законе: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-43706-1

Аннотация

Весь город подмяла под себя сплоченная, жестокая семья Савелия Бурыбина по кличке Бурбон. Ни сам папаша, ни четверо его сыновей отступать не умеют, никому ничего не прощают, делиться ни с кем не хотят – все у них схвачено, куплено, завязано. А с теми, кто не хочет жить по их законам, разговор короткий – пуля или удавка. Так бы победно и катилась мафиозная колесница, подминая под себя все, если бы не строптивый майор милиции Павел Никифоров. Криминальная семейка убила его жену, нажив таким образом себе лютого кровного врага. Теперь он как кость в горле у всемогущей Семьи – ничего не боится, взятки не берет, от своих принципов не отрекается. Что ж, Бурбон приготовил для мента такой хитроумный крючок, с которого простому смертному вовек не сорваться. Вот только Павел оказался отнюдь не простым смертным...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	44
Глава 4	59
Глава 5	76
Глава 6	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Владимир Колычев

Семья в законе

Глава 1

Ночное небо затянуто тучами. Фонари на улице не горят. Тьма плотная, холодная, морозящая... В гулком гудящем зале пивного бара, в клубках табачного дыма под потолком тускло мерцают засиженные мухами лампы дневного света. Но тьма, казалось, проникала и сюда, заползала под ворот рубахи, через позвоночную артерию проникала в кровь, ступенными пальцами хватала за душу...

В зале было душно, накурено, но мужчина, сидевший за столиком в дальнем углу бара, поежившись, застегнул джинсовую куртку до самого верха. Вид он имел несвежий, слегка запущенный: волосы слипшиеся, сальные, печать усталости на лице, взгляд выхолощенный, уголки тонких губ приспущены, словно траурные флаги. Но все же смотрелся он внушительно. Широкое лицо с резкими, выразительными чертами, развитые надбровные дуги, большие черные глаза, нос широкий, с небольшой впадиной посередине, черные усы, короткие, но столь же густые, как и брови. Крепкая шея, не очень широкие, но плотные плечи, сильные руки. Не нужно было напрягать взгляд и фантазию, чтобы определить в нем

крепкую кость и энергетику высокого напряжения. Но упадок духа, в котором он сейчас пребывал, значительно снижал яркость его мужского обаяния.

Чем дальше в ночь уходили стрелки часов, тем черней и гуще становилась тоска этого несчастного человека. Холодно, зябко. И одиноко, как в могиле.

За массивной стойкой из больших грубо отесанных камней краснела упитанная физиономия бармена, пиво ручьем лилось из крана, наполняя кружки и бокалы. Худосочный паренек, сидящий на высоком стуле за барной стойкой, нехотя обнимал упитанную девушку с прической под «одуванчик», за столиком неподалеку – два степенных, хорошо одетых парня в компании с ярко покрашенной, игривой брюнеткой. Две женщины среднего возраста в поисках попутного ветра, на пивных волнах и под рваными парусами личных неурядиц. Рядом уютно разместилась компания работников – эти обмывают зарплату, пьют, но не шумят, на соседок не заглядываются, их больше привлекает немолодая уже, но еще бодрящаяся красотка в коротком платье, что взобралась на жердочку барного стула. С ней можно все и за скромную плату. Судя по тому, как посматривают на нее мужчины, ей простаивать без работы долго не придется.

Бар «Забегаловка» – заведение далеко не самое респектабельное, но посидеть здесь можно неплохо: и выпить, и перекусить, и приключение найти – с женщиной подружиться и даже подраться. Но мужчину в застегнутой доверху джинсо-

вой куртке интересовала только выпивка. Тусклым безучастным взглядом он обозрел зал и склонился над своей тарелкой, вяло ковырнул вилкой кусочек бифштекса, после чего апатично и безотчетно затолкал его в пространство между двумя ломтиками жареного картофеля. Кому-то весело, у кого-то здоровый аппетит, а ему, Павлу Никифорову, тошно, и кусок в рот не лезет...

Он помнил, как приходил в этот бар с женой. Совсем недавно это было, месяца три назад. Снег на крышах, сосульки на карнизах, красные грудки снегирей на проводах. Они шли по обледеневшему тротуару, Лена крепко держала его за руку, грудью прижавшись к нему, что-то шептала на ухо, смотрела на него красными от слез, грустными глазами. Она могла поскользнуться, упасть, но пугало ее не это. Больше всего Лена боялась потерять мужа... В тот день Павла ждала женщина, с которой он изменял жене. Но Лена так плакала, так уговаривала его никуда не ходить, что он вынужден был сдаться. И еще она очень просила сходить с ней в город – в кино, в музей, в кафе, куда угодно, лишь бы создать иллюзию крепкой и дружной семьи, о которой она всегда мечтала. Но Павла раздражали ее слезы, и он, назло ей, выбрал бар «Забегаловку», недалеко от дома. Они пили дешевое пиво, ели неприятный на вкус жирный шницель, посыпанный сухим укропом. Он небрежно жевал мясо, с открытым ртом, замасливая губы, с шумом поглощал пиво, чего бы никогда не позволил себе в присутствии чужой женщины. Как будто

давал понять, что Лена для него ничего не значит. Она, глупая, влюбленно смотрела на него глазами боязливой мышки, а он, поглядывая поверх нее, думал о том, чтобы поскорее покончить с этим «домашним заданием» и отправиться к своей Оксане, к этой зрелой красавице с роскошными формами...

И часа они тогда не провели здесь с женой. Павел сказал, что после столь невкусного обеда ждет от Лены хорошего ужина, даже похвалил ее кулинарные способности. И даже по пути домой купил бутылочку недорогого болгарского вина. А когда она встала у плиты, он с мобильного телефона позвонил на свой домашний, вызвал себя на разговор, после чего заявил, что его срочно вызывают на службу. Он обещал вернуться к ужину, но Лена ему не поверила. Она чувствовала, что у мужа есть другая женщина, поэтому в глазах у нее стояли слезы. Она тогда ничего ему не сказала, лишь тихонько всхлипнула, закрывая за ним дверь...

Лену он знал с самого детства. Женихом и невестой их объявили еще в первом классе. Он таскал за ней портфели, выслушивал жалобы на несправедливых учителей, на мальчишек, дергавших ее за косички, утешал, грязным носовым платком вытирал ей слезы после каждой «двойки», задир-обидчиков укрощал кулаками... Впрочем, плохих оценок у Лены было мало, а с каждым годом становилось все меньше. Павел же со временем завоевал репутацию бедокура-двоечника с крепкими кулаками. Это не мешало ему во-

дить дружбу с примерной ученицей.

Но их теплая дружба так и не переросла в любовь. Лена его любила, не раз признавалась в этом, говорила, что жить без него не может. А он не понимал, как это нельзя жить без кого-то. В десятом классе он часто задавался таким вопросом и всякий раз находил разумный ответ. Если бы вдруг Лена уехала в другой город, он бы смог забыть ее. Может, и не легко, но смог бы... Впрочем, не очень серьезное отношение к ней не удержало его от греха. В десятом классе, в новогоднюю ночь они с Леной заперлись у нее на квартире, и она под бой курантов прошла посвящение в женщины.

А незадолго до последнего звонка Павел всерьез увлекся Светкой из параллельного класса. Девушка готова была ответить ему взаимностью, но вдруг выяснилось, что Лена ждет ребенка. Это новость его совсем не обрадовала, но и в панику не ввергла, более того, заставила принять ответственное решение. После школы они с Леной расписались, в конце сентября она родила ему девочку, а в ноябре он ушел в армию...

В кармане затрезвонил телефон, глянув на дисплей, Никифоров неторопливо поднес его к уху.

– Да, родная.

Звонила дочка. Маше уже восемнадцать лет... Ему тридцать шесть всего, а она уже совершеннолетняя.

– Ты где? – с неохотным каким-то беспокойством спросила дочка.

Еще год назад отца и дочь можно было встретить вместе на улицах города. Она держала его под руку и шла, легонько покачивая бедрами; юная, красивая, длинноволосая. Встречные мужчины с завистью посматривали на Павла, думая, что это его девушка.

Но сейчас они уже никуда вместе не ходят. У Маши своя жизнь, она живет с мужчиной, у него дома, и общаться с ней Павел мог только по телефону.

– Да так, сию, – невыразительно пожал плечами Никифоров.

– Где сидишь, в кабаке? Опять наклюкаешься?

– Да нет, нормально все. Домой сейчас пойду...

– Давай, давай, а то у тебя уже язык заплетается.

– Тебе это кажется, – мотнул головой Павел.

– Не кажется... Все, домой давай иди. Пока, я тебя люблю...

– Я тебя тоже.

Павел уже собирался нажать на кнопку сброса, когда до его слуха донесся грозный голос:

– Кого ты там любишь?

В трубке послышались короткие гудки. А спустя время снова раздался звонок.

– Ты кто такой? – нахраписто надавил на перепонки знакомый мужской голос.

– Ты что, Слава, обкурился? – грубо спросил Павел.

– А-а, это ты, Пал Михайлович! – успокаиваясь, небреж-

но, на тяжелом натужном выдохе проговорил Слава. Похоже, он был порядком подшофе.

Никифорову не нравился выбор дочери. Славе уже за тридцать. Лысая голова, бульдожьи щеки, второй подбородок, жирное брюхо и задница такая, что мягкая мебель не нужна. И характер нехороший... Но у него были деньги. Сеть автомагазинов по городу, элитный коттедж на окраине города, две иномарки в гараже. А жил он с Машей в гражданском браке, и это больше всего смущало Павла.

– Ты чего там на мою дочь рычишь?

Злость усилилась, когда он услышал в трубку приглушенный расстоянием всхлип. Или это ему показалось, или дочь плачет.

– Да нет, нормально.

– Что, нормально? Учти, если узнаю, что ты хоть пальцем ее тронул!..

– И что будет? – заносчиво хмыкнул Слава.

– А вот когда тронешь, тогда и узнаешь.

– Тронул уже. Вон сидит, кровь по щекам размазывает.

– Что?!

В ответ Никифоров услышал короткие гудки.

Механически отточенным движением он вернул телефон в карман, невидяще глядя в тарелку, взял за горлышко графинчик, налил в рюмку водки, выпил, после чего сделал несколько глотков из кружки с пивом.

Под потолком сизыми волнами качался табачный дым,

где-то рядом звякнула вилка, чуть поодаль кто-то кому-то что-то сказал, нервно хихикнула женщина, слышался звук льющейся жидкости, крышка звонко стукнулась о кастрюлю, заурчала кошка, набросившись на упавший кусок мяса. Обострившийся вдруг слух позволил Павлу слышать даже то, что происходило на кухне. Но эти звуки, смешавшись в глухую какофонию, казалось, доносились откуда-то из прошлого, упрямо продавливая полупрозрачную стенку бычьего пузыря, в который было упаковано настоящее. Тоска сгустилась до плотности критической массы, а потом перетекла в злость на гражданского зятя.

Павел подозвал рыхлотелую официантку в засаленном переднике, велел подать счет, расплатился и вышел в ночь. Его старая «девятка» с проржавевшим крылом была припаркована неподалеку, но как ехать, если в голове пьяное болото?.. Домой надо идти, а машину забрать утром. Ну, а как же гражданский зять? Он дочь избивает, а за это наказывают...

Никифоров сел в машину, пристегнулся, постарался сосредоточиться. Аккуратно выехал на дорогу, неторопливо свернул на Челябинскую улицу. Он понимал, к чему может привести управление автомобилем в нетрезвом виде, поэтому вел себя осторожно, внимательно всматривался в дорогу, не разгонялся, хотя, казалось, нужно было спешить.

Но чем ближе он подъезжал к дому гражданского зятя, тем сильнее вдавливал педаль акселератора, и стрелка спидометра нервно подрагивала.

Сознание все глубже погружалось в сумерки, во мгле которых скрывалось зудящее желание покончить с жизнью... Павел не видел смысла жить дальше...

Это случилось три месяца назад, через несколько дней, как он сводил жену в «Забегаловку». Лена задержалась на работе, возвращалась уже затемно, но домой так и не пришла. Ее подкараулили на улице, при свете фонарей ударили по голове молотком, забрали сумку и пакет с продуктами... Свидетели видели двоих, но в лицо преступников никто не запомнил.

Лена умерла по дороге в больницу. А ее убийц по горячим следам найти не удалось... Павел служил в городском УВД, в отделе по раскрытию тяжких преступлений. Уж как он был заинтересован в раскрытии этого убийства, и то ничего не смог поделать. Следствие ни к чему не привело, и секретные осведомители молчали, словно сговорившись. Возможно, это был не обычный разбой; очень даже могло быть, что кто-то свел с Павлом счеты. Так это или не так, но удар ему нанесли в самое сердце. И он понимал, что никогда не сможет оправиться от него...

Никифоров почувствовал, как откуда-то из груди поднялась и подступила к глазам горькая слезоточивая волна, кончик носа потяжелел, набух, будто березовая почка. Он попытался, но не смог сдержать слезы. Они скатывались по щекам, стекали в щетинистые усы...

Он вспомнил, как в позапрошлом году отдыхал с Леной на

Черноморском побережье. Утяжеленная водорослями волна упруго накатывала на берег, с шумом сдирая с него шлифованную гальку. Он лежал в шезлонге, нежась в солнечных лучах, а Лена выходила из моря. На одну руку она наматывала длинные мокрые после купания волосы, другой весело махала ему. Павел был тогда в темных очках, и она думала, что он смотрит на нее. А он в это время любовался юной девушкой, которая заходила в воду. Уж очень замечательно выглядела она в купальных стрингах. И все-таки Лена узнала, куда направлен был его взгляд. Надо было видеть, как улыбка на ее лице превращалась в страдальческую гримасу...

Тогда Павлу было все равно. Потому что тогда он не любил жену. Верней, так ему казалось... А сейчас тяжесть этих воспоминаний сдавила ему грудь – дыхание перехватило. А слезы крупными каплями покатались из глаз...

Только после того, как Лена погибла, он явственно осознал, насколько она была ему дорога. И как сильно он ее любил. Он возненавидел себя за то, что изменял ей, унижал своим невниманием, не согревал ее лаской...

Боль утраты оказалась настолько страшной, что жизнь, казалось, остановилась. Он даже не думал о том, что нужно соблюсти траур: желание изменять жене умерло вместе с ней. Не нужны ему были другие женщины, и его возмущала сама мысль о том, чтобы пополнить коллекцию своих побед. А сами эти прошлые завоевания казались ему отвратительными...

Жизнь остановилась. А машина неслась по ночным улицам на большой скорости. Впереди мрак и пустота. Тогда какой смысл ехать дальше?.. Взять бы вправо да врезаться на скорости в придорожный столб!..

Нет, это безумие. Нельзя так делать, взывал к разуму Павел. Но руки сами по себе вывернули руль вправо, и машина, не снижая ход, устремилась к обочине... Только тогда сознание включило защитный механизм, и машина чуть ли не в последний момент выровняла курс.

Свет фонарей растекался перед глазами, руки тряслись, ноги, казалось, онемели... Прижавшись к обочине, Никифоров остановил машину, до боли зажмурил глаза. Надо было собраться с мыслями, сжать в кулак обломки рассыпавшейся воли.

Да, ему нужно на тот свет. Найти жену, встать перед ней на колени, вымолить прощение и остаться с ней навсегда... Но как же грех самоубийства?.. Лена не святая, но по сравнению со многими она могла показаться эталоном благочестия. И если где-то ей уготовано место по ту сторону мироздания, то, наверняка, в раю. А души самоубийц даже в ад не пускают, у них и шанса нет, чтобы очиститься. Они гибнут сразу, безвозвратно... Нет, через самоубийство к Лене не попадешь.

Павлу стало стыдно. Ведь у него есть дочь, о ней нужно заботиться – хотя бы по мере сил и возможностей. Она прямо сейчас нуждается в нем, и он ехал к ней, но забыл об этом.

И чуть не оставил Машу полной сиротой... Разве так можно?

Он набрал полные легкие воздуха, на три-четыре секунды задержал дыхание, а потом резко выдохнул. Сознание немного прояснилось, посвежело. И даже промелькнула мысль, что на пьяную голову дальше ехать нельзя... Какое-то время Никифоров боролся с нежеланием выходить из машины, но проиграл самому себе и продолжил путь.

В конце концов он оказался на улице, где среди обычных домов стоял высокий коттедж под «минеральной шубой». Кирпичный забор, кованые ворота, закрытые полупрозрачным пластиком, у калитки кнопка звонка.

Ждать пришлось долго. Наконец, калитка открылась, и показалась Маша в теплом, плотно запахнутом халате. Светлые волосы стянуты на затылке, на лице косметическая маска из белого крема.

Эта маска и не понравилась Павлу: ему показалось, что под толстым слоем крема под глазом скрывается синяк.

– Он тебя бил?

Вопрос прозвучал настолько хлестко, что Маша невольно вздрогнула. Но именно поэтому, будто стыдясь своей слабости, она вдруг завелась.

– Нет! – с вызовом ответила она. И на еще больших оборотах грубо спросила: – Зачем ты приехал?

– С мужем твоим поговорить. Если его можно назвать мужем...

– Можно. И нужно. Потому что Слава – мой муж, понял?

– Да вот, все пробую понять...

– Что ты можешь понять? Тебе все равно, в каких условиях жить! А я хочу жить, как человек. И Слава мне позволяет так жить...

– А любовь?.. Или если бьет, значит, любит?

– Не бьет... И любит...

– Вот я и хочу узнать, как он тебя любит. Пусти, мне к нему надо.

– Не пущу!

Павел хотел пройти во двор, но дочь загородила проход. Руками уперлась в кирпичные столбы, чтобы удержать отца.

– Не трогай его! Не смей!.. Я сейчас кричать буду! – истошным голосом предупредила она.

Свет уличного фонаря падал на ее лицо, но как ни приглядывался Никифоров, так и не смог разглядеть припухлостей вокруг глаз. Может, и не было синяка. Может, Слава всего лишь нос Маше разбил... За такое «всего» наказывать надо жестоко, но дочь твердо стояла на своем. Не пущу, и точка.

– Ты уже кричишь, – Павел озадаченно почесал щеку.

Против дочери силу он применить не мог. Такую возможность он исключил еще давно, с самого ее рождения...

– Буду кричать еще громче!

– Может, Слава твой сам ко мне выйдет? – спросил Павел. – Или он боится?

– А может, и боится. Ты же мент! От тебя всего можно

ждать!

Опомнившись, Маша сконфуженно прикрыла рот ладонской, но воинственный блеск из ее глаз не исчез. Она хоть и дрогнула, но оборонительные позиции сдавать не собиралась.

– Это кто тебе такое сказал, он или ты сама придумала?

– Какая разница?

– Значит, он.

– Может, и он. Только он тебя не боится! – язвительно сощурилась Маша. – А знаешь, почему? Потому что ты ни на что не способен! Ты нашел тех подонков, которые маму убили? Нет! Потому что не можешь их найти!..

Это был удар ниже пояса. Павел вздрогнул, беспомощно сторбился. Увы, но ему нечем было ответить своей дочери.

– А может, ты не хочешь их искать? – продолжала она.

Он отвернулся, направился к машине и получил удар в спину.

– Я же знаю, ты никогда не любил маму!

Он еще ниже опустил голову, даже просел в коленях, как будто на плечи ему взвалили десятипудовую штангу. Под этой тяжесть и продолжил путь.

Маша опомнилась, когда он уже открыл дверцу, чтобы сесть в машину. Нагнала его, обняла, повисла у него на шее, мокрой щекой прижалась к его подбородку.

– Ну, прости! Ну, пожалуйста!.. Я же знаю, как ты страдаешь!

Она продолжала висеть у него на шее, но Никифоров, казалось, не чувствовал этой тяжести. Более того, он разогнулся так легко, будто с его плеч свалился полутонный груз.

Но камень в душе все же остался. Он, конечно же, простит дочь, уже простил, но ведь Лену этим не вернешь. И ее убийц не найдешь...

– Ты же знаешь, я не умею на тебя обижаться, – тепло, но с грустью улыбнулся он.

– Знаю... Помнишь, как я покрасила тебе ногти, когда ты спал? – той же улыбкой ответила она. – Ты чуть так на работу не ушел. Представляю, как бы на тебя там смотрели!

– Ничего страшного, все же знали, какая у меня проказница дочь, – пошутил он.

– Ну, не все... И совсем не проказница... Пап, я хочу туда, где я могла красить тебе ногти. Я хочу туда, где мы с мамой...

– Все, не надо больше, – мотнул он головой и сощурился, чтобы сдержать слезы.

– Не буду.

– Теперь у тебя своя семья. А Славе передай, что я сделаю ему очень больно, если он еще раз тебя обидит.

– Да нет, он больше не будет... Нашло на него просто. Приревновал. И вообще... Неприятности у него. С бизнесом. Поэтому и злой...

– А если неприятности дальше будут продолжаться? Он что, и дальше злиться будет?

– Да нет, он сказал, что сможет разобраться.

Маша пристально и с напряжением смотрела на отца. Она ждала, когда он спросит, в какие проблемы впутался ее гражданский муж. Но Павлу вовсе не хотелось вникать в них. Хотя он и понимал, что трудности, которые испытывал Слава, могут ударить и по ней.

— Ну, если пацан сказал, то пацан должен сделать, — пренебрежительно усмехнулся Павел и открыл дверцу машины. — Поеду я.

— Поедешь? — девушка озадаченно приставила ко лбу палец. — В таком виде?! Ты же пьяный!

— Я осторожно.

— А если нет? Если человека собьешь? Знаешь, давай-ка к нам, у нас переночуешь!

— Сначала гонишь, потом к себе зовешь, — покачал головой Павел.

— А вот я такая... Давай, давай, загоняй машину во двор!

Никифоров сел за руль. Но к тому времени, как Маша открыла створку ворот, он уже катил по дороге прочь от ее дома.

Глава 2

Струи воды, распыляясь, создавали облака мелкой взвеси, в которых радужной дугой отражалось яркое летнее солнце... А ведь фонтан мог быть и мощней, выше, и мраморная чаша – шире и глубже.

Погода превосходная – яркое летнее солнце, легкий освежающий ветерок. Туч много – больших, серых и рыхлых, но все они в душе; плывут, рваными краями цепляя за нервы.

Эдуард Лихопасов угрюмым взглядом осмотрел двор своего дома. Брусчатка, английские газоны, фонтан, клумбы, туи стройными рядами... Брусчатка обычная, а не гранитная, и газон плохонький: травка могла быть и ярче, и сочнее. Клумбы маленькие, а ведь могли простираться метров на тридцать вправо. Могли, но не хватало участка, а чтобы прикупить соседский, не хватало денег. Все на дом ушло, на обстановку.

И джип далеко не самый-самый – серебристый «Хюндай».

Дом тоже не радовал. Вроде бы два этажа, и крыша черепичная, и кирпич финский, но жилая площадь не впечатляла – каких-то двести квадратных метров. Двери сосновые, мебель в основном из МДФ, а ведь он так хотел массив красного дерева...

Эдуард неприязненно посмотрел на жену. Вот кто всем в этом доме доволен. Только вид у нее почему несчастливый?

Неужели что-то почувствовала?

Эдуард задорно покрутил пальцем несуществующий ус, вспомнив, как любил вчера свою новую секретаршу. Лестное озеро, багровый вечер, машина с распахнутыми дверями, ложе из откинутых кресел, два страждущих тела...

Но что поделаешь, если на Карину любо-дорого смотреть? Красивая, юная, свежая, упругая. Все знает, все умеет... А Юлю, увы, иначе, как недоразумением и не назовешь. Волосы да, роскошные – густые, темно-русые, но почему она все время сплетает их в косу и накручивает на голову, как это было принято в прошлом веке... А лицо? Нет, черты лица правильные, даже профиль благородный, но какое же оно узкое, худое, блеклое. А этот нос – острый, длинный. И косметикой она не пользуется, даже брови не подкрашивает, хотя они далеки от совершенства. А фигура и вовсе не выдерживала никакой критики – плечики узенькие, руки тонюсенькие, грудь – два прыщика, туловище длинное, ноги короткие, еще и сутулится... И немолодая уже, тридцать лет вот-вот исполнится... Ну как такую любить?

Зато девочки любили мать. Малышку Дину Юля несла на руках, а Соня вприпрыжку бежала за ней, огромный бант забавно подпрыгивал в такт. Юля открыла дверь, и Соня со смехом ворвалась в салон, сама забралась в детское кресло. В такое же кресло рядом с ней Юля усадила и Дину, тщательно закрепила детское тельце ремнями. На мужа она при этом не смотрела.

– Могла бы меня попросить, я бы помог, – недовольно сказал Эдуард.

Дина была его родной, а Соня – приемной дочерью... С Юлей он жил всего три года, но за это время она успела ему опостылеть. И ведь не разведешься...

Одета Юля была неважно – серый костюм: длинная юбка и жакет с нелепым кружевным воротом, туфли тяжелые, тупоносые, на низком каблуке. А машина... Дешевый малолитражный «Пежо». А ведь могла бы позволить себе и новенький «Мерседес» представительского класса.

– Да нет, не надо, – без раздражения, но скучно посмотрела на него супруга. – Надо, чтобы кто-то один. У семи нянек, сам знаешь, как бывает...

Голос у нее звонкий, но дребезжащий, чем-то напоминающий звучание бормашины. Эдуард даже ощутил, как у него заныл зуб мудрости. Это нервное, и Юле лучше об этом не говорить, ведь она по профессии стоматолог – если прицепится, не отвяжешься, пока не окажешься в ее кабинете ...

Юля работала в городской стоматологии, обычным рядовым врачом, а ведь запросто могла стать директором дорогой платной клиники... А не стала потому, что глупая. Так думал Эдуард, глядя, как жена садится в машину.

Дождавшись, когда «Пежо» скроется за воротами, он сел за руль, завел двигатель. И спустя примерно полчаса уже входил в двери казино, расположенного на первом этаже высотного дома.

Нет, он приехал сюда вовсе не для того, чтобы проигрывать деньги. Напротив, он собирался их зарабатывать. Охранник в черном костюме молча склонил перед ним голову в знак приветствия, а больше на пути в кабинет ему никто не попался. Утро для казино все равно, что ночь для мэрии. Днем чиновники работают, а вечером едут сюда, чтобы пощекотать себе нервы. Ночью в здании мэрии пусто, а здесь крутится рулетка, и скачет шарик счастья. А утром все столы в большом игровом зале пустуют, крупье не видно. И в небольшом стриптиз-баре тишина, и только слышно, как орудует шваброй уборщица.

Зато в директорской приемной все как у людей – и компьютер включен, и красавица Карина уже складывает на мониторе тетрис. Завидев начальника, она мило улыбнулась, но со своего места не поднялась, лишь слегка обозначила стартовое движение. Пышные волосы, большие глаза под цветными линзами, эротический аромат духов.

Еще вчера Карина поднималась ему навстречу в полный рост, но тогда между ними ничего не было, кроме ожиданий. А вчера Эдуард повез девушку домой, но так вышло, что они оказались за городом... Сейчас ему казалось, что иначе и быть не могло.

– Ты что там, голых мужиков разглядываешь? – кивнув на экран монитора, спросил он.

– Ну что ты, Эдик! – с жеманным притворством протянула девушка.

– Я же просил, на работе по имени-отчеству, – поморщился он.

– Да, Эдик... То есть, Эдуард Михайлович.

– И кофе, пожалуйста. Покрепче и без сахара...

Лихопасов любил выкурить утром сигару, сдабривая одну табачную горечь другой, тоже табачной. Начнет он с легкой, ямайской сигары, а после обеда возьмется за мексиканскую, будет смаковать ее под аперитив; ну а вечером в ход пойдет еще более тяжелая, кубинская... Для настоящего ценителя сигар всему свой черед. А Эдуард считал себя ценителем. Хотя, если честно, сигары он курил больше для престижа, нежели из удовольствия. И церемония этого «священнодействия» порой казалось ему фарсом – эти хьюмидоры, гигростаты, гильотинки, пробойники, щепки для прикуривания, специальные пепельницы... Уж куда приятней сунуть в рот обычную сигарету «Мальборо», прикурить от зажигалки, глубоко затянуться, чтобы взбодрить и вместе с тем успокоить сознание.

И все-таки он достал сигару из хьюмидора, срезал кончик. Но щепу поджигать не стал. Сначала дождался Карину, которая подала ему кофе.

– Может, еще чего-нибудь? – кокетливо спросила она, прижав руки к груди так, как собачка, вставая на задние лапы, поднимает передние.

Еще и бедрами качнула, будто песик хвостиком махнул.

– Ну, не с утра, – неуверенно мотнул он головой.

Карина вдохновляла его на воплощение самых смелых фантазий, но для начала он должен хотя бы выкурить сигару. Сначала дело, потом удовольствие...

– Можно и чуть позже, – гривуазно повела она тонко выщипанной бровью.

– Вот-вот, попозже...

Щепка догорала в руке, но Эдуард ждал, когда Карина уйдет. Но девушка не торопилась покидать кабинет. Руки опустились ниже, пальцы теребили пуговицу кофточки. Стоит, с ноги на ногу переминается. Своим подозрительным поведением она, казалось, подготавливала своего шефа к неприятной неожиданности.

– Эдуард Михайлович, у меня проблема тут. Зарплата только через две недели, а у меня деньги закончились...

Вот тебе и зубная боль, с досадой подумал Лихопасов. И жена с ее стоматологическим креслом здесь не помощник, скорее наоборот.

– Сколько?

– Ну, долларов двести.

– До зарплаты? – в лоб спросил он.

– Э-э, ну да... – неуверенно ответила девушка.

Ей бы сейчас две запрошенные сотни получить, а, схватившись за них, как за синицу, она со временем затребует журавля... Эдуард прекрасно понимал, что за все нужно платить, по этому принципу он жил и сам. Но деньги доставались ему нелегко, и щедрость никогда не была его недостат-

ком.

Две стодолларовые бумажки он вынул из бумажника так, будто часть души отдавал дьяволу в заклад. И думал о том, что неплохо было бы получить эти деньги обратно. Но ведь Карина же не отдаст, так же, как он и не сможет вернуть ей вчерашний вечер, когда они были близки. Может, провести эти деньги через бухгалтерию, как аванс к зарплате? Но тогда Карина оставит его без сладкого. А если еще и пожалуется, тогда совсем худо будет.

– Ты знаешь, я тут подумал, – нерешительно сказал он. – Может, тебе оклад поднять? На двести долларов, а?

– Эдуард Михайлович! – просияла девушка.

– Ну а что, работаешь ты хорошо...

– Даже не знаю, как вас отблагодарить!

– Знаешь, знаешь. А если забыла, то могу напомнить.

– Сама вспомнила, – жантильно зарумянилась она.

И шагнула к нему, но Лихопасов сначала осадил ее движением руки, а затем выпроводил за дверь.

Раскуривая сигару, он думал о том, как ловко обманул девушку. Он не станет ей ничего говорить, а через две недели она сама узнает, что ее новая зарплата урезана как раз на те самые двести долларов. Эти деньги он, разумеется, положит в свой бумажник.

Но настроение все равно не улучшилось. Сигара казалась какой-то прелой, кофе пах клопами. А тут еще дверь в приемной хлопнула, и Карина подозрительно вскрикнула. С шу-

мом опрокинулось кресло, открылась дверь в кабинет, и Лихопасов увидел двух атлетов, чье появление, как обычно, не сулило ему ничего хорошего.

– Рэкет не вызывали? – громыхнул басом Семен.

Парень отличался необычным строением головы. Сверху она была зауженной, от линии глаз резко расширялась, а затем плавно уменьшалась по ширине, в районе подбородка сливаясь с могучей борцовской шеей. И уши у него были такие большие, что голова напоминала кувшин, поставленный на постамент из дубового бревна.

Вытянув голову вперед, он повел мощными плечами, отчего дорогой клубный пиджак на нем затрещал по швам.

– Что, не вызвал?! – осклабился Ждан. – Тогда за ложный вызов кучу бабла!

Он был еще более громадным, чем Семен, но выглядел почему-то не так внушительно. Может, потому, что черты лица у него были более мягкие, размытые, и в глазах не хватало той непоколебимой уверенности, которой отличались его старшие братья. И еще – походка у него недостаточно твердая, его все время заносило куда-то в сторону, отчего он цеплялся за предметы, которые, казалось, не стояли у него на пути. Вот и сейчас он умудрился опрокинуть журнальный столик, находившийся в метре от линии, по которой он двинулся к Эдуарду.

Братья всегда начинали визит этой незатейливой сценкой с рэкетирами. Семен был далеко не глуп, чтобы не понимать,

насколько истерта эта присказка, но, казалось, ему доставляло удовольствие терзать слух Эдуарда, которому ничего не оставалось, как отвечать на весь этот фарс любезной улыбкой. От братьев он зависел, как цирковой пони от дрессировщика с бичом.

Семен первым занял место за приставным столом. Неповоротливый Ждан мог сесть рядом, но и его уже тянуло к тому креслу, в котором развалился брат. Остановиться он вовремя не успел, и всей своей массой навалился на Семена, едва не опрокинув его на пол. Тот воспринял это как нечто неизбежное; насмешливо глянул на Ждана, но ничего ему не сказал. Зато заговорил с Эдуардом:

– Ну что, толстяк, как поживаешь? – спросил он, нехорошо сощурившись.

– Как поживаешь? – усевшись-таки в свободное кресло, вторил ему Ждан.

– Э-э, нормально, – смущенный таким началом, пробормотал Эдуард.

Во-первых, он не толстяк. Ну, есть, конечно, лишний вес, но это за счет легкой упитанности, но никак не ожирения. А то, что в спортзалах он не пропадает, как братья Бурыбины, так ему пудовые бицепсы и не нужны. Да и легкие у него слабые – быстро задыхается.

– Классную ты себе секретутку нашел, – зловеще продолжил Семен.

– Ага, классную! – повторил Ждан.

– Э-э... Ну, это было не трудно... – нервно поправив галстук, отозвался Лихопасов. – Старобоярск большой, красивых девушек много...

– А сам девочкой не хочешь стать?

– Девочкой не хочешь? – эхом отозвался младший брат.

– Э-э, а что такое? – от плохого предчувствия похолодел Эдуард.

– Да то, что размял ты вчера эту тутку, – в упор глядя на него, жестко сказал Семен.

– Да, утку, – неправильно повторил Ждан.

– Э-э... Кто вам такое сказал? – не на шутку разволновался Лихопасов.

Семен молча и неторопливо поднялся со своего места, крутнул шейю до хруста в позвонках, нагнетая на Эдуарда панический страх, подошел к нему, встал сзади, неспешно и даже мягко взял его руками за уши. И вдруг со всей силой дернул вверх. Ощущение было таким, будто голову оторвали от плеч, вытаскивая из разорванного позвонка толстую нить слухового нерва. От боли у Лихопасова из глаз хлынули слезы.

– Тебе не все равно, кто сказал? – взревел Семен.

– А-а!.. Все равно!

Парень отпустил Эдуарда, и тот, схватившись за надорванные, казалось, уши, плюхнулся в директорское кресло.

– Ну, тогда зачем спрашиваешь? – почти ласково спросил Семен.

Он по-прежнему стоял у Лихопасова за спиной, но при этом, склонившись над столом, умудрялся смотреть ему в глаза.

– Просто!

– Ты смотри, брат... – обращаясь к Ждану, сказал Семен.

– Смотрю! – перебил его тот.

– Смотри, смотри... – иронично сощурился Семен. – Смотри, как у этого козла все просто. Наша сестра страдает, а он капусту, гад, с чужого огорода жрет.

Лихопасов хлюпнул носом, проклиная себя за неосторожность.

Казино с потрохами принадлежало семье Бурыбиных. Отец, четыре брата и старшая сестра, то есть Юля. И Эдуард понимал, что за ним, за его поведением следят. А братья еще до свадьбы предупредили его, что сестру обижать – смертный грех. А супружеская измена, понятное дело, большая обида... Да и сама Юля вчера почувствовала, что муж изменил ей. Может, сама и пожаловалась. Хотя вряд ли. Она, если честно, не очень-то жалуется своих братьев. То есть их самих любит, но ненавидит дело, которым они занимаются. Но у них-то братская любовь к ней безусловная. И ради нее они способны на многое. Ждан, Семен, Лев, Стас... А об их отце лучше не думать, настолько страшный он человек. Мощный, хитрый, жестокий и еще жадный...

Эдуарду вспомнился большой семейный ужин, один из немногих, которые согласилась посетить Юля. Савелий Фе-

дорович, эта глыба из кожи и плоти, сидел во главе стола, нависая над тарелкой жирного борща. Правил этикета для него не существовало. Рубаха его была расстегнута чуть ли не до пупа, массивный золотой крест на толстой цепи глубоко зарылся в густые кучи седых волос. В большом каминном зале было почему-то сумрачно, пепельно-розоватый свет заходящего солнца через высокое окно падал на его широкое, рельефное лицо, отчего оно приняло неестественную для живого человека ультрамариновую окраску. В какой-то момент Эдуарду показалось, что за столом сидит покойник. Но страшно ему стало не от этого, а от мысли, что если страшный тесть вдруг умрет, он все равно не оставит свою семью без своего отцовского пригляда. Живой он или мертвый, он все равно будет присутствовать в своем доме, жадно есть борщ, хлюпать, шумно жевать размокающий во рту хлеб, жирно чавкать, сипеть и радостно фырчать, облизывая ложку. Он всегда будет здесь непререкаемым авторитетом, могучим, властным, непобедимым. И его дети, такие же сильные и жестокие люди, как и он сам, всегда будут склонять перед ним голову. А Эдуарду так и вовсе следовало стоять перед ним на коленях...

Нет, он никогда не склонялся перед своим тестем так низко, но только потому, что этого никто от него не требовал. Но скажи Савелий Федорович пасть перед ним ниц, и он тут же упрется лбом в землю, потому что смертельно его боится...

– Я... Я больше не буду! – затравленно мотнул головой

Лихопасов.

– Чтобы завтра этой сучки здесь не было! – кивком головы Семен показал на дверь.

– Да, сучки чтобы не было, – продублировал его распоряжение Ждан.

– Э-э, не будет...

– Ну вот, хороший мальчик, – весело, но с пренебрежением улыбнулся Семен. – И смотри, больше сестру не обижай. Она у нас хорошая. И одна... И вообще, у нас в семье не принято от жен гулять. Папа этого не любит...

Только записной льстец мог назвать Савелия Федоровича образцом добродетели. Но жене своей он никогда не изменял. Во всяком случае, так гласило семейное предание. Жена родила ему пятерых детей, но, видно, это истощило ее организм, и вот девять лет уже прошло, как ее нет.

Савелий Федорович мог привести в дом новую жену, но делать этого не стал. Может, так любил Екатерину, что и думать не мог ни о какой замене. А может, боялся вызвать тайное недовольство взрослых сыновей, которым вряд ли бы понравилась мачеха, будь она хоть «Мисс из Мисс». Он очень дорожил своим авторитетом в семье и не хотел терять его из-за слабости к женскому полу. А может, слабость у него то как раз и была, с женщинами. Может, он вообще ничего с ними не мог. Потому и жил бобылем...

Но какими бы проблемами и комплексами не страдал Савелий Федорович, сыновья старались брать с него пример. У

всех четверых были жены, и они от них не гуляли, во всяком случае, не афишировали свои связи на стороне. И дело даже не в том, что их отец не жаловал супружеские измены, а в том, что его невестки также были членами одной большой и хорошо организованной семьи. В равной степени, как и зять, Эдуард Михайлович Лихопасов. Как он управлял казино, так жены сыновей – рынками, ресторанами, магазинами, принадлежащими семье. Простое, но очень ответственное разделение труда. Настолько ответственное, что при определенном стечении обстоятельств вполне можно было угодить за решетку.

Неприятных обстоятельств, создаваемых этой семьей, хватало. И судя по всему, сейчас прибавится еще одно.

– Смотри сюда, – понизив голос, Семен вынул из кармана фотографический снимок, положил его на рабочий стол и щелчком переправил Эдуарду.

– Что это? – нервно дернул щекой Лихопасов.

С фотографии на него смотрел широколобый мужчина с хлипкими волосами и блеклыми глазами. В его внешности ощущался недостаток жизненных сил, но при этом держался он высокомерно.

– Ни что, а кто, – хмыкнул Семен.

– Кто, – кивнул Ждан.

– Хотя если разобраться, то ничто...

– Его что, убить надо?

Трясушимися руками Семен полез в ящик стола, достал

оттуда пачку «Мальборо», дрожащими пальцами вытащил сигарету... Не до сигар, когда такое дело.

– Убить?! – расхохотался Семен. – Ты?.. Ты можешь убить?

Смех оборвался, и он строго глянул на младшего брата.

– Побудь в приемной. За секретуткой посмотри, раз такое дело.

Ждан кивнул, поднялся, умудрившись при этом перевернуть кресло, вышел в приемную.

– Да нет, она не сможет нас подслушать, – мотнул головой Эдуард. – Интерком у нее только на прием работает. Даже телефон прослушать не сможет... Я же инженер по образованию, знаю, как и что делать...

– А что, много тайн через тебя проходит, что секретутке слушать тебя нельзя?

– Э-э... Ну, наша семья – одна большая тайна...

– Правильно соображаешь, – кивнул Семен. – И то, что интерком у тебя в одну сторону работает, тоже хорошо...

И, поморщившись, махнул рукой перед носом.

– Не кури, не люблю. В здоровом теле – здоровый дух. А какой у тебя дух в прокуренных легких?

– Э-э, да я так, не всерьез, больше балуюсь, чем по-настоящему...

– А чего ты все время оправдываешься, Эдик? Все время чего-то боишься... Меня что ли? Так я не кусаюсь...

– Ну... Покусываешь, – натянуто улыбнулся Лихопасов.

– Вот, хоть какое-то откровение, а то все елозишь, как языком по рашпилю... Так что ты там про свое инженерное образование говорил?

– Ну, я же политех закончил, как-никак...

– Да это я знаю... А на Юльке чего женился?

– Так это... любовь.

– К чему? К большим деньгам?

– Ну, скажешь...

– Да я что думаю, Эдик, то и говорю...

Лихопасову недавно исполнилось тридцать семь лет, Семену – двадцать шесть. Но разница в возрасте, казалось, имела минусовое значение: младший по годам относился к старшему так, будто тот был для него неоперившимся юнцом, которого еще учить и учить.

– Думаешь, я не знаю, что ты на Юльке из корысти женился? Знаю. Не любишь ты ее... Все ждал, когда хвостом крутить начнешь. Думал, ты со стриптизерш начнешь, а ты секретаршу завел... Зачем тебе секретарша, Эдик?

– Э-э, завтра ее уже не будет.

– Слышь, Эдик, ты мужик или не мужик, чего ты все огородами ходишь? Ты можешь подойти ко мне по прямой дороге? Слышь, брат, скажи: жена у меня хорошая, но пресная, а хочется остренького, посолоней, поэтому возьму-ка я и трахну секретаршу. Возьму! И трахну!.. Может, я тебе морду за это набью. Может, очень сильно набью. Но хоть уважать стану... Ты слышал, я Ждана братом называю. Потому

что мне он брат родной. И Лева брат, и Стас. Это по крови. А ты по сестре как бы брат. Как бы, но не брат... Доверять мы тебе доверяем, но уважения особого нет. Ничего, что я так, начистоту?

– Да нет, ничего, – подобравшись, расправив плечи, хоть и дрогнувшим, но все же твердым голосом ответил Эдуард.

Пять месяцев он ухаживал за Юлей, три года живет с ней в браке, но так и не смог стать полноправным членом ее семьи. Получил в управление казино – верней, помещение под него и деньги на раскрутку. За два года сделал из этого проекта конфетку, завернул ее в золотую обертку. Савелий Федорович его хвалил, но близко к себе не подпускал. К женам сыновей он относился, как к своим дочерям, а Эдуард родным для него так и не стал. И братья посматривали на него свысока, снисходительно похлопывая по плечу. Отчасти в таком отношении была виновата жена Юля. Она старательно дистанцировалась от своей семьи, хотя и позволяла мужу заниматься порученным ему делом. Но Эдуард понимал, что и сам виноват в том, что семья пренебрегает им. Братья росли на улице и жили по ее законам, и уважали они только сильных людей. А к рохлям относились в лучшем случае снисходительно.

Но ведь Эдуард никогда не был слабаком. И в школе приходилось драться, и спортом он занимался, и в армии служил. В институте даже каратэ увлекся, целых три года в секции продержался... А потом жизнь закружила, затянула в бо-

лото серой рутины. Первые три года после вуза он работал на машиностроительном заводе по специальности, потом женился, денег стало катастрофически не хватать. Пробовал заниматься коммерцией, но имел неосторожность взять кредит у человека, вхожего в криминальные круги, рассчитаться вовремя не смог и остался без квартиры, доставшейся ему в наследство от родной тетки. И без жены, которая по своей воле ушла к этому человеку... К этому времени Эдуард освоил компьютер и смог устроиться в частную компанию программистом. Там и проработал ни шатко ни валко несколько лет, пока не встретил Юлю. Для него это был ни к чему не обязывающий роман, и он бы, наверняка, бросил девушку, если бы не узнал, чья она дочь. Он хорошо знал, кто такой Бурбон. И понял, что Юля – его шанс на лучшую жизнь. Да и обижать ее было чревато. Тот же Семен мог сделать так, чтобы он навсегда потерял интерес к женщинам.

Он и сейчас мог вспомнить молодость. Всерьез заняться спортом, освежить мышечную память приемами каратэ. У братьев свой спортклуб с бассейном, и они, надо сказать, не раз его туда приглашали, а он, дурак, отказывался... А ведь надо принять приглашение. Подумаешь, намнут ему разок-другой бока, зато хоть за своего держать начнут. А если он вдруг нос кому-нибудь из них в спарринге разобьет, так еще и уважение появится.

– Казино ты поднял, молоток, не вопрос, – небрежно похвалил его Семен. – А вот появился серьезный вопрос, кто

его решать должен? Мы-то решим, но ты на вторых ролях так и останешься...

Помещение под казино находилось в районе, близком к центру города, но все же это была не Первомайская аллея, как называлась главная и самая красивая улица Старобоярска. Семья Бурыбиных держала там и казино, и ресторан. И никто не думал, что казино «Седьмая орбита» на улице Космонавтов со временем станет приносить доход, вполне сопоставимый с прибылью подобного заведения на Первомайской линии. А это произошло. Тогда и появилась идея расширить казино за счет двух магазинов, с которыми оно делило первый этаж высотного дома.

Эдуард попробовал договориться с владельцами этих магазинов, предложил им неплохую цену, но те заявили, что бизнес у них идет отлично, и съезжать категорически отказались. Тогда за дело и взялся Семен. Вопрос пока не решен, но локомотив уже в пути...

– Ну, вы-то решите одно, а площади буду осваивать я. И зал игровой расширим, и ночной клуб откроем...

– А может, сам решишь?

– В смысле? – пожившись под пристальным взглядом Семена, робко спросил Эдуард.

– В прямом... Ты вот человека собираешься убить.

– Я?! Собираюсь?!

– Ну, ты же сказал, что убить надо, – Семен кивком показал фотографию, лежащую на столе.

– Да нет, я только спросил...

– Если спросил, значит, ждал, что тебе такое дело предложат. Ждал и готовился...

– Нет, не готовился...

– А если подготовишься? Ты же не совсем еще чмо, Эдик.

Из тебя еще можно человека сделать... Или ты не хочешь быть мне братом?

– Э-э... Ну, хочу...

– Стрелять ты умеешь... Или нет?

– Ну, немного... Из автомата...

– У нас тир в лесу, выедем, поработаем немного. Тут главное – желание... Пойми, пока ты не замажешься, нашим никогда не станешь...

Об этом Лихопасов догадывался и сам, но предпочитал гнать о себя такие мысли. Убить человека – страшно. Но для братьев Бурыбиных это не проблема. Поэтому их семья пишется с большой буквы. Потому что их Семье принадлежит город. И горе тому, кто с этим не согласен.

– Э-э, я не знаю... – бледнея, мотнул головой Эдуард.

– Пойми, ты уже созрел для того, чтобы стать нашим, – продолжал убеждать его Семен. – Осталось только сделать важный шаг... Вот я знаю, что ты обидел нашу сестру. Завтра я скажу об этом Леве, послезавтра – Стасу. Ну, а если отец узнает...

Испуганно вжав голову в плечи, рукавом пиджака Лихопасов смахнул испарину со лба. Да, конец всему, если узнает

Бурбон...

– Не, я все понимаю, Юлька у нас не красавица, а мужик на то и мужик, чтобы на сторону смотреть. Вот и смотри себе потихоньку, так чтобы никто не знал... Верней, знать мы будем, просто никто ничего не скажет. Если потихоньку, чтобы Юлька ничего не знала... Ты меня понимаешь?

– Э-э, не совсем.

– Секретарша тебе сейчас не нужна.

– Да это я понял.

– Ничего ты не понял, Эдик. Не нужна она тебе сейчас. Потому что казино у тебя не очень большое. Сечешь? А когда расширишься, тогда и штат можно будет поднять. Тогда и секретарша тебе будет положена. А если положена, то пусть себе лежит, раздвинув ноги... Но сначала сделай дело, а потом уже гулять... Теперь понял?

На этот раз Лихопасов согласно кивнул. Он уберет человека, неугодного Семье, и тогда Семен станет относиться к нему, как к своему брату. И тогда он закроет глаза на его маленькие мужские шалости.

– И долю в бизнесе увеличим. Мы же свои люди, сочтемся, – дожимал его Семен.

– Э-э... ну да... если свои, то сочтемся... – закивал Эдуард.

Казино приносит хорошую прибыль, но львиная ее доля уходила в Семью, Эдуарду же доставались крохи. А ведь он вполне мог поднять свой оклад на десять тысяч долларов в месяц... нет, лучше на двадцать... А еще лучше на тридцать...

– Эй, ты чего, деньги, что ли, считаешь? – прочел его мысли Семен.

– Ну-у...

– Гну!.. Нормально все будет. И тачку богатую возьмешь, и на цацки для секретутки хватит. Она у тебя баба красивая, такой смазка хорошая нужна... Главное, Юльку не забывать.

– Да ей ничего и не нужно, – сорвалось у Эдуарда.

– Ну да, она у нас такая, – сморщился Бурыбин. – Нос она воротить может... Но, по-любому, она из нашей семьи. И что бы там она о себе не думала, нас она никогда не предаст... И ты тоже. Или нет?

– Или да! – встрепенулся Эдуард. – Я все понимаю!

Он прекрасно осознавал, какими возможностями обладает Семья. И ему не жить, если он вдруг пойдет против нее. И нет на земле места, где он мог бы спрятаться от братьев...

Семен предлагал скрепить союз с Семейей жертвенной кровью. Что будет, если он откажется?... Что, если ему за это вынесут приговор?

– Ну, тогда в чем проблема?

– Э-э, ни в чем... Я попробую! – сдался Лихопасов.

– Да ты не бойся, дело плевое. Да и мы тебе поможем... – добившись своего, приободрил его парень.

– А со мной... Со мной потом ничего... Ну, все нормально будет?

Эдуард внутренне напрягся, вспомнив, что иногда случается с киллерами после того, как они становятся уже не нуж-

ными. Если судить по книгам и фильмам, то зачастую их, как опасных свидетелей, убивают свои же. Да и в жизни, наверняка, так же все происходит. Хотя бы потому, что в этом есть логика.

– За это даже не переживай, – свысока усмехнулся Семен. – Ты же из нашей семьи, а значит, мы все за тебя горой. Но и ты, сам понимаешь, должен ценить нас дороже своей жизни. Ты меня понимаешь?

– Э-э, да, конечно.

– Только Юле ничего не говори. Ты же знаешь, как она ко всему этому относится.

Жена была единственным человеком, кто мог помочь Лесопасову выкрутиться из этой ситуации. Она не боялась ни отца, ни братьев, и, узнай, на что Семен подбил мужа, непременно устроила бы ему сцену. И это притом, что женщина она совсем не скандальная, и уж точно не истеричная. Таких спокойных и выдержанных людей, как она, еще поискать...

Но Эдуард решил не обращаться к жене за помощью. Он не хотел, чтобы братья его презирали. И еще он боялся остаться без своего казино... Нет, он все сделает, как ему скажут. Он свяжет себя с Семьей кровавыми узами, и тогда у него будет все – деньги, женщины. И главное, уважение...

– Кого нужно убрать? – собравшись с духом, спросил он. И взглядом показал на фотографию. – Этого?

– Эдик, не тормози, – хмыкнул Семен. – Со своими делами мы уж как-нибудь справимся. А тебе с магазинами про-

блему решить нужно. Вот ты ее и решишь... А этого, с фотографии, ты обслужишь сегодня. Это из мэрии человек, их там сейчас прокуратура так шерстит, что на лапу брать бояться. Но мы с ним договорились, он сегодня вечером к тебе придет. Делай, что хочешь, но выиграть он должен ровно сто тысяч. Ты меня понимаешь?

Эдуард все понял, но сказать об этом вслух не успел. В приемной что-то глухо гроыхнуло, и он испуганно вжал голову в плечи, решив, что это милицейский спецназ.

В действительности все оказалось куда прозаичней – это Ждан, общаясь с Кариной, умудрился столкнуть со стола монитор компьютера. Но все же Лихопасов воспринял это как дурной знак...

Глава 3

Ветер не человек, и к уголовной ответственности его не привлечешь. А стоило бы. Мало того, что растрепал девушке волосы, разметав их по лицу, он еще залез к ней под платье, высоко поднял подол. Одной рукой она инстинктивно попыталась оправить волосы, а другой призвать к смирению платье. При этом папка с протоколом выпала у нее из рук, и листки, словно бумажные змеи, устремились ввысь. Иначе как хулиганством этот поступок не назовешь. Но как арестовать ветер?..

Один листок упал на лицо мужчины, безжизненно лежащего на земле. Разыгравшийся ветер попытался поднять его в воздух, но листок прилип к окровавленному носу и удержался.

Павел нагнулся, поднял этот листок, пошел за другим. Сержант и прапорщик из оцепления также принялись собирать рассыпавшийся протокол осмотра. Девушка зря надела штатское платье, будь она в форменной юбке, ветер не смог бы справиться с ней. Но никто ее за это не осуждал. Все-таки сегодня выходной день, и, возможно, прокурорскому следователю некогда было переодеться.

Павел Никифоров тоже находился дома, пил в одиночестве пиво перед телевизором, когда ему позвонил начальник и велел ехать на место происшествия.

Он прибыл позже всех. Следователь уже успела составить протокол осмотра, криминалист закрыл свой чемоданчик, судмедэксперт готовился накрывать покойника простыней. Оперативники из местного РОВД уже допросили сторожа гаражного кооператива и сейчас опрашивали жильцов близлежащих домов, искали свидетелей убийства.

Павел забрал у прапорщика и сержанта с трудом добытые ими страницы протокола, подал девушке. Он знал ее. Капитан юстиции Цветкова, молодая, симпатичная, с необычными рыжими волосами, отчего она только выигрывала в глазах мужчин. Но мужняя жена и строгих правил. Прошлой осенью они вместе работали над одним делом, и Павел пытался закрутить с ней роман. Но из этого ничего не вышло: Ульяна вежливо, но бесповоротно поставила крест на его надеждах.

– Привет. Как дела? – сухо спросил он, вручив ее пропажу.

– Ничего. Вот, из-за праздничного стола выдернули, – с сожалением сообщила она.

И выразительно посмотрела на Павла. Нет, она, конечно, девушка порядочная, но если он вдруг возьмется за старое, то, возможно, у него появится шанс. От нее приятно пахло хорошим парфюмом и свежим коньяком, и этот аромат заглушал запах смерти.

– Я не о том. Кто это с ним так?

Мужчина был убит выстрелом в лицо. Пуля попала в правый глаз и вышла за левым ухом, земля под его головой напилалась кровью.

Если бы он был жив, то, пожалуй, смог бы произвести выгодное впечатление. На вид ему было лет сорок, но выглядел бы он для своих лет хорошо – густые черные волосы в модельной причёске, сытое, но не полное лицо, спортивное телосложение, модная рубашка, дорогие джинсы, туфли, на руке часы, возможно, настоящая швейцарская фирма.

– Поставил машину в гараж, возвращался домой. Шел, шел и не дошел.

– И кто остановил?

– Сторож сказал, что машина какая-то была, то ли «десятка», то ли «девятка». Он в сторожке был, услышал выстрел, выглянул в окно, смотрит, этот лежит, а преступник барсетку с земли поднимает. Поднял, сел в машину и уехал. На пассажирское место, говорит, сел, значит, за рулем еще кто-то был...

– В лицо этого стрелка сторож видел?

– Говорит, что тот в очках был. С бородой... Борода, сказал, темная была, а волосы белые и пышные... Борода, говорит, как у мужчины, а волосы, как у женщины... Прямо трансвестит какой-то, – с кокетством во взгляде улыбнулась Цветкова.

Она была слегка тепленькая после праздничного стола, и труп ей уже порядком надоел. Ей хотелось вернуться к веселю, к беззаботному времяпрепровождению. И в таком настроении она совсем не прочь была немного пофлиртовать с мужчиной. А еще она знала, что нравилась Павлу...

Но нравилась она ему в прошлом. Сейчас же он воспринимал ее не более чем интересного коллегу. И не было никакого желания играть с ней в страстные мужские игры.

– Не трансвестит, – покачал он головой. – Просто маскировка.

– Понятно, что маскировка, – заскучала следователь.

Похоже, она поняла, что Никифоров не желал к ней на огонек.

– То ли бородач в женском парике, то ли блондинка с фальшивой бородой, – вслух подумал он. – Но, скорее всего мужик в парике с накладной бородой...

– Попробуй такого опознай.

– Значит, барсетку забрал. Ограбление?

– Похоже на то... Ой, кажется, гроза надвигается!

Движением руки Цветкова показала в сторону, куда Павел и развернулся, а сама спряталась за его широкой спиной. К ним приближалась моложавая, стройная и подтянутая женщина лет сорока. Неподвижные глаза широко распахнуты, рот приткрыт, руки беспомощно опущены и чуть разведены в стороны. И шла она, как зомби – тяжело, на негнущихся ногах. Она потрясенно смотрела на погибшего мужчину, медленно и неотвратимо приближалась к нему. Вне всякого сомнения, женщина знала убитого более чем хорошо. Цветкова поняла, что сейчас произойдет, поэтому и спряталась за Павла.

Женщина подошла к покойнику, сдавленно застонала и,

обхватив руками голову, опустилась перед ним на колени.

– Олег!.. Олеженька!..

Но вдруг, будто очнувшись, она легонько шлепнула его пальцами по щеке.

– Давай, вставай!.. Ну, чего ты лежишь?.. Нас же дети ждут!

– Он не встанет, – тяжело вздохнув, сказал Павел.

Женщина встrepенулась, будто ее окатили студеной водой, резко подняла голову и свирепо посмотрела на него.

– А вы кто такой?

– Уголовный розыск, майор милиции Никифоров.

– Милиции?! – поднимаясь, с безумной свирепостью протянула она. – И что вы здесь делаете?

– Вот, человека убили.

– Убили?! Да, убили... Я вижу, что убили... Это мой муж... Моего мужа убили... Почему его убили? Почему вы позволили его убить?!. Почему? Почему?

Это была самая настоящая истерика. И Павел не удивился, когда женщина набросилась на него с кулаками. Но он не стал отбиваться, позволил ударить себя в грудь.

Каждый следующий удар был значительно слабее первого, и, в конце концов, приступ сошел на нет. Женщина уткнулась лбом в его грудь и разрыдалась. Он мягко взял ее за плечи, но отталкивать от себя не стал. Пусть выплачется, легче станет.

Но плакала она недолго. Цветкова спросила у нее, как да-

леко находится ее дом, и женщина нехотя, со слезами на глазах, но все же втянулась в разговор.

Жила она недалеко, в многоэтажном доме, за частными домами, которыми был окружен гаражный кооператив. Сегодня с утра они с мужем ездили по мебельным салонам в поисках дивана, затем он отвез жену домой, а сам отправился в гараж ставить машину. Не дождавшись, женщина пошла ему навстречу, а, увидев милицию и лежащий на земле труп, поняла, что случилось страшное. И не ошиблась...

– Скажите, а диван вы купили? – спросила следователь.

– Нет, мы только присматривали.

– А какой диван вы присматривали, дорогой или не очень?

– Мы хотели кожаный купить, большой, с уголком и креслом...

– Значит, дорогой. Скажите, а ничего подозрительного вы не замечали? Может, кто-то ходил за вами, прислушивался, о чем вы говорите с продавцами. Может, вы выражали готовность купить диван прямо сейчас?..

– Нет, никто за нами не ходил. И с продавцами мы не разговаривали. Просто ходили, смотрели...

К ним подошел оперативник из районного уголовного розыска, молодой шустрый капитан с цепкими глазами. Судя по выражению его лица, он добыл информацию, которой спешил поделиться со следователем. И, похоже, не только из служебного рвения. Он явно хотел пообщаться с Цветковой еще и как с интересной женщиной. Павел знал его и протя-

нул ему руку для приветствия.

– Что-то интересное нашел? – спросил Никифоров.

– А вы что, это дело забираете? – с надеждой спросил капитан.

– Это уж как начальство решит...

– Тут на заказное похоже. Может, РУБОП работать будет.

Парню все равно было, на кого свалить это дело, лишь бы самому им не заниматься. Павел его понимал, сам когда-то на «земле» работал. Штат маленький, дел неспорный, и очень ограниченные возможности всерьез работать по сложным убийствам, где виновный не установлен.

– Почему заказное? Вроде бы без глушителя стреляли. И барсетку взяли.

– Я тут женщину одну разговорил, ее окна как раз на ворота выходят. Она видела, как от убитого машина отъезжала. «Десятка» темно-серого цвета. На звук выстрела выглянула, смотрит, машина уже отъезжает. Так вот, эта машина здесь с утра стояла, вон, у того дерева, – капитан показал на раскидистый дуб, росший у закрытых ворот непонятно какого-то предприятия – может, цех какой-нибудь, может, просто склад.

– Значит, ждали, – решил Павел.

– В том-то и дело...

– Может, преступники давно его заприметили. Мужик солидный, видно, что при деньгах. Да и барсетка у него такая пухлая, что в глаза бросается, вот и потекли у них слюнки...

– Нет, барсеточники так не работают. В человека, из пистолета, среди бела дня... Да еще и в лицо...

– А каждый по-разному работает, всех под одну гребенку не причешешь.

– Ну, может быть... Только я что-то не пойму вас, товарищ майор. Вам что, этот глухарь нужен? Вы же просто по убийствам работаете, а заказуху пусть рубоповцы тянут.

– А почему глухарь?

– Да ясно же, и в магазин за глобусом ходить не надо. Машина с затемненными окнами, номера грязью забрызганы, парик, борода, очки. Следы от колес стандартные – это уже минус по горлу. Гильзу нашли, вроде как от «ТТ». Что это нам дает? А ничего... Ну, может, экспертиза что-нибудь покажет, тогда одного глухаря к другому пришьем, и все дела...

– А номера грязью забрызганы?

– Да. Я с одним тут разговаривал, «десятка» мимо него проезжала. Номеров не видно, стекла темные.

– Может, были приметы какие-то?

– Да какие там приметы? Ну, левое заднее крыло помято, фары нет... Я уже звонил, на посты передали, может, и выгорит что, хотя вряд ли...

– Брось тоску наводить! Что сторож говорит? Может, и у преступника приметы какие заметил, ну кроме бороды и парика?

– Да вы сами к нему сходите, он в сторожке сидит. Скучно ему, поболтать не с кем...

Заметив, что Цветкова освободилась, капитан подошел к ней, а Павел отправился к сторожу.

В спертom воздухе тесного помещения пахло грязными носками, горелой пластмассой и табачным дымом. На кушетке, застеленной выцветшим верблюжьим одеялом, лежал с закрытыми глазами худощавый мужчина лет пятидесяти. Легкий батник, в котором нравится щеголять озабоченным юнцам, чересчур короткие шорты, некогда белые носки, стоптанные кроссовки.

– Физкульт-привет!

Мужчина вскочил как по команде, но в струнку перед Павлом не вытянулся.

– Майор милиции Никифоров.

– Так были уже, – мужчина сонно зевнул и, сунув руку под батник, почесал живот.

– Убийца куда делся?

– Ну, куда... В машину сел и уехал.

– Как он выглядел?

– Ну, роста примерно вашего. В плечах чуть пошире, но там больше жиру, чем силы. Лицо крупное... Широкое такое, видно, что пожрать любит. Очки видел, бороду, волосы, как у бабы...

– Парик, – подсказал Павел.

– Парик? Ну да, он еще, когда в машину садился, руку к волосам прижал... Парик у него. Ну да, он потому и схватился за него, потому что боялся потерять, спадал, видно...

– Так, подождите. В одной руке у него пистолет был, в другой, я так понимаю, барсетка, а чем он тогда парикправлял?

– Так той рукой, в которой пистолет держал... Он его еще уронил, правда, сразу же поднял... Какой-то он суетливый был, не в себе как будто. Ну да, человека убил, как уж тут в себе остаться? Да, дела... Этот, который в машине был, тоже нервничал, рукой из салона ему махал, давай, быстрее, говорит...

– Вы слышали, что он говорил?

– Ну, нет, конечно. Он руками показывал, давай, давай. А потом еще и за плечо его схватил, в салон втащил... Еще и дверь не сразу закрылась. Машина тронулась, и дверь сама по себе закрылась.

– На замок закрылась или как?

– Да нет, просто прикрылась... Потом открылась и закрылась. А потом снова открылась. Я еще смотрю, голова высунулась, вниз посмотрела, как будто что-то вывалилось там... Ну а потом закрылась. Да, точно открылась, и голова высунулась... Тут ваши приходили, спрашивали, но я тогда волновался сильно, а сейчас уже нет, валерьяночки немного выпил, – щелкнув себя пальцами по горлу, подмигнул Павлу сторож. – Успокоился. Вот и вспомнил... Может, правда, вывалилось что, а?

Труп уже укладывали на носилки, когда Павел вернулся к месту происшествия. На асфальте виднелась кровь, но со

временем от нее ничего не останется. А следы, оставшиеся от преступников, уже уничтожены. Санитары топтались сейчас по тому самому месту, откуда примерно стрелял убийца. Но там ничего и не было, кроме мелких камешков.

Павел подошел к Цветковой, которая также собиралась уезжать, спросил, что подозрительного она смогла обнаружить на месте преступления. Может, преступник что-то обронил, когда садился в машину. Но, как выяснилось, после себя он оставил только стреляную гильзу. Ну и пулю, которую выцарапали из дерева и приобщили к протоколу.

Тогда Павел просто пошел по дороге, в направлении, в котором скрылась машина с преступниками. Он внимательно смотрел себе под ноги – рассыпанная по асфальту щебенка, замасленная деревяшка, дырявый и грязный от времени целлофановый пакет в траве у обочины, обломок ветки, кусок кирпича, один старый окурок, другой, камушки, ржавая пружина от раскладушки, пластиковая дужка от очков, крупная хромированная гайка, обрывок газеты, выброшенной не одну неделю назад... Из того хлама, что попался Павлу на пути, он выделил только дужку от очков. Черный глянцевый пластик, еще даже не запыленный. Видно, что совсем недавно выпал из машины. Возможно, из той самой, на которой скрылись преступники. Уж ни ее ли пропажа так обеспокоила убийцу?

Сторож говорил, что преступник садился в машину нервно, суетно, и на нем были черные солнцезащитные очки. Что,

если уже в машине, он сделал резкое движение, отчего от очков отскочила дужка? Она попала в щель между порожком и прикрытой дверью. А когда преступник эту дверь открыл, чтобы затем захлопнуть, дужка и вывалилась на дорогу. Он догадался, куда она делась, открыл дверь, чтобы найти ее... Но если это так, то его действия наводили на мысль о чрезмерном душевном волнении. Ну, как можно увидеть такую мелкую пропажу из быстро движущейся машины? А водитель не стал останавливаться, чтобы помочь ему. Не было у него на это времени.

Дорога находилась в стороне от основных магистралей – пользовались ею мало, к тому же дужка, видимо, стукнувшись об асфальт, отскочила на обочину. Не было на ней следов подошв и автомобильных колес, зато, возможно, на полированной поверхности остались жировые отпечатки пальцев.

Павел не стал поднимать дужку с земли, насколько мог низко склонился над ней, присмотрелся. Да, есть что-то похожее на жировое пятно...

– Что там у тебя такое? – спросила подошедшая Цветкова.

– Надеюсь, что улика, – разгибаясь, ответил он. – И с отпечатком пальца... Как минимум, одного пальца...

– Дужка от очков? Это интересно, – заинтригованно сказала капитан.

– Сторож говорил, что у преступника лицо широкое, поест, сказал, любит. А очки, похоже, детские, ну, может, жен-

ские, в общем, небольшие. Скорее всего, потому и сломались, что на широкий фасад с трудом налезли.

– Хорошо, если так... Давай-ка, я это дело оформлю.

Ульяна сфотографировала дужку под линейечку, затем уложила ее в специальный пакетик, вписала находку в протокол.

– Если очки маленькие были, значит, преступник готовился к убийству сумбурно.

– А парик, борода?

– Насчет бороды не знаю. А парик он мог у жены одолжить. Ну, может, у любовницы. И очки у нее же взять...

– Да, у жены, – кивнул Павел. – И очки, и парик...

Он вспомнил, как они с Леной выбирали для нее солнцезащитные очки. Солнце, чайки над морем, лоток с очками, краснолицая женщина в соломенной шляпе. Лена мерила очки, спрашивала у него, идут они ей или нет, а он лишь делал вид, что смотрит на нее, сам же любовался роскошной блондинкой в коротких шортах и футболке, через которую просвечивала высокая пышная грудь... Потому он бездумно кивал, отвечая жене, из-за чего она и выбрала невзрачные очки, в которых еще больше стала похожа на серую мышь...

– У Лены узкое лицо, – сказал он, чувствуя, как пережимает горло горький спазм.

Вернуть бы назад эти дни. Он бы глаз не спускал с жены, он бы не выпускал ее из своих объятий, осыпал бы ее поцелуями, вдыхая любимый аромат ее волос и кожи, согретой

ужным солнцем. Он бы ни на секунду не расставался с ней...
– У какой Лены? – не поняла Ульяна.
– У моей жены... Лицо у нее узкое, и очки она себе маленькие подобрала. Я попробовал надеть, так чуть не сломал...
– У тебя есть жена?
– Была... А что тут такого? – в свою очередь удивился он.
– Ты же говорил, что не женат...
– Когда я такое говорил?
– Осенью... Ну, ты должен помнить, – смущенно проговорила Ульяна.

Павел невольно прикрыл глаза ладонью, чтобы она не видела, сколько в них презрения. Он ненавидел самого себя, а она могла принять это чувство на свой счет... Да, в прошлом он вел себя так ужасно, что мог сказать, будто у него нет жены. Сейчас в это невозможно поверить, но в недалеком прошлом он считал себя свободным от семейных уз. Дочка выросла, жена совершенно не волнует, на уме только такие красотки, как Цветкова...

Он вспомнил, как однажды Лена очень удивила его. Он очень хотел спать, а тут вдруг в спальню заходит белоснежная блондинка с ярко накрашенными губами, в сексуальном черном корсете, чулках и босоножках на шпильке... Он так тогда взбудоражился, что не сразу понял, кто перед ним. А когда до него дошло, что это жена, все возбуждение сошло на нет. Помнится, он нарочно назвал ее шлюхой, чтобы она обиделась и оставила его в покое... Какой же он был тогда

сволочью!

– Эй, что с тобой? – спросила Цветкова и щелкнула пальцами перед его глазами.

– А что со мной? – очнувшись, удивился он.

– Лица на тебе нет... Ты что, убить кого-то хочешь?

Павел озадаченно поскреб щеку. Неужели у него был такой страшный вид, если Ульяна пришла к такому выводу?

– Да, хочу. Самого себя.

– За что?

– За то, что жену не уберег...

– Постой, постой-ка... Так это же твою жену этой весной убили? Да, да, точно...

Павел не хотел продолжать разговор, но если бы у него возникло такое желание, он бы и слова не смог произнести – настолько сильно спазм перехватил горло.

Он счел свою миссию исполненной и, не прощаясь, отправился домой. По пути купил бутылку водки и уговорил ее в одиночестве, на кухне, перед фотографией жены.

Утром он опоздал на службу, получил нагоняй от начальства и новое дело. Он должен был обеспечить расследование убийства Олега Сергеевича Блинкова, которое было поручено капитану Цветковой.

Глава 4

Из квартиры на самом верхнем этаже элитной высотки открывался прекрасный вид на город. Парковая зона с колесом обозрения, переливающаяся на солнце змейка реки, дома частного сектора, многоэтажные микрорайоны, дымящие вдалеке заводы... В квартире царило траурное уныние, зеркала завешаны, пахло ладаном и горечью невосполнимой утраты. А на балконе свежий воздух, и легкий ветерок сдувает зеленую тоску похмелья. Именно поэтому вдова погибшего Блинкова провела Павла сюда.

Он стоял у открытого проема в раме остекления, смотрел на город, и скорее почувствовал, чем услышал, как на балкон зашла хозяйка. Она поставила на столик серебряный поднос, сняла с него две фарфоровые чашечки с дымящимся кофе. Сама села в плетеное кресло, Павлу показала на другое.

– Спасибо вам!

Он с жадностью сделал первый глоток, зажмурился от удовольствия, чувствуя, как обжигающе горячая влага растекается по горлу, пряным ароматом будоражит сознание.

– Вам нездоровится? – спросила Маргарита Витальевна.

Если бы не тоска во взгляде, этот подначивающий вопрос мог бы прозвучать весело. А так это выглядело не более чем сухая констатация фактов.

– Да, жену помянул.

Павел не хотел говорить об этом, но ему нужно было войти в доверие к вдове потерпевшего, а ничто так не сближает людей, как общее горе. К тому же он вдруг ощутил потребность рассказать, какая чудесная у него была жена.

— Помянули? — непонимающе посмотрела на него женщина.

— Да... Я очень ее люблю. Она у меня была самая лучшая... Была... Ее убили, в марте этого года. Она была у меня учительницей... Самой лучшей учительницей. Возвращалась домой из школы... Ее убили, забрали сумочку...

— И что, убийц нашли? — заинтригованно смотрела на него Маргарита Витальевна.

— Нет... Я сделал все, что мог, но увы... Может, с вашим мужем повезет больше?

— Ну, найдете вы его убийц, и что? — горько усмехнулась женщина. — Олега уже не вернешь... Но вы их найдите. Я заклинаю, найдите!

Она порывисто повернулась к Павлу, отчего рукой невольно сбила со стола чашечку, и кофе пролился ей на брюки. Но женщина этого как будто и не заметила. Может, настолько сильна была ее душевная боль, чтобы не обращать внимания на такие мелочи. А ведь кофе горячий...

— Вы должны их найти!

— Все, что в наших силах... Вы бы сходили, переоделись.

— Да, конечно...

Пока Маргарита Витальевна приводила себя в порядок,

Никифоров, смакуя, выпил кофе под сигарету. Но удовольствия не получил. На душе тяжело. Зачем он рассказал про покойную жену? Да, она действительно у него самая лучшая – была, есть и будет. Но, если задуматься, он откровенно спекулировал на своем горе.

Женщина вышла к нему в домашнем халате, и они продолжили разговор.

– Маргарита Витальевна, следствие рассматривает две версии. Основная – убийство в целях ограбления. Но есть предположение, что это было заказное убийство. У вашего мужа были враги?

– Враги?.. Да нет, Олег ни с кем старался не ссориться. Правда, был недавно инцидент... Из-за магазина. У нас небольшой универсам на Космонавтов. Там еще казино «Седьмая орбита», может, знаете?

– А почему «орбита»?

– Наверное потому, что на улице Космонавтов, – пожала плечами женщина. – Но вы лучше у хозяина казино спросите.

– А стоит?

– Не знаю... Скажу только, что Олегу угрожали.

– Вот это уже интересно. Кто угрожал вашему мужу?

– Приходили какие-то люди, просили, чтобы он съехал. Он столько сил в свое время потратил, чтобы эту площадь в бессрочную аренду оформить, а тут приходят какие-то и просят подвинуться. Разумеется, Олег отказался. Магазин

приносил стабильную и очень хорошую прибыль. Район вроде бы не очень бойкий, но активность покупателей высокая. И в казино люди ходили, там тоже дела шли успешно. Настолько успешно, что казино решило расширяться за счет нас...

– Значит, из казино люди приходили?

– Не знаю. Я вот сейчас вам скажу да, а окажется, что это не так. Дело в том, что эти люди не говорили, чьи интересы они представляют. Просто сказали, что хотят купить магазин. А Олег отказался наотрез. Они сказали, что его жена, то есть я, может очень сильно об этом пожалеть... И это правда, я очень жалею о том, что Олег не отдал этот чертов магазин!.. – Женщина закрыла лицо руками и заплакала.

Павел решил дождаться, когда она успокоится. А когда она прекратила всхлипывать, спросил:

– А что это за люди, как их зовут?

– Не знаю, он не говорил. Сказал только, что пришли двое, деловые, в костюмах, а глаза, говорит, страшные... Еще он сказал, что это мафия.

– Какая мафия?

– Он не уточнял. Просто сказал, что мафия...

– Мафия понятие растяжимое.

Если читать прессу и слушать одурманенных ею людей, то мафия в России существует везде. В мэрии, в милиции, на заводах и фабриках, не говоря уже об улицах, где много-много диких обезьяноподобных людей, живущих по зако-

нам джунглей. А однажды Павел слышал, как мафией называли обычную шиномонтажную будку, где работали три обычных русских парня. И всему виной было то, что пункт этот не испытывал недостатка в заказчиках, поэтому цены там были выше среднего. И сразу мафия... Ну, а милиция – это само собой, там только тем и занимаются, что вымогают у граждан деньги. Вот и сейчас Павел пришел к Маргарите Витальевне, чтобы задарма попить с ней кофе. Какая-никакая, а цена за участие в делах ее покойного мужа. Вот он сейчас попросит ее подать вторую чашечку, и она не посмеет отказать. Ведь российский народ, доведенный до отчаяния всепоглощающей коррупцией, не смеет отказать милиции. А если вдруг Маргарита Витальевна не захочет еще раз угостить его кофе, то придется подбросить ей в карман пакетик с героином, чтобы затем ею занялись борцы с наркотиками. А как же иначе, когда мафия сплошь и рядом?

– Ну, он так сказал, что из мафии, а что там конкретно, он не уточнял.

– А может, кто-то из магазина об этом знает?

– Может быть, – кивнула женщина. – Вы спросите у главного администратора, он, наверное, в курсе... Если вы прямо сейчас хотите встретиться с ним, то я ему позвоню.

Маргарита Витальевна выжидательно смотрела на Павла. В ее взгляде был заключен намек, что пора прощаться.

– Вижу, что утомил вас. Поэтому, понимая ваше состояние, ухожу. Но, думаю, мы еще с вами встретимся.

Женщина заверила, что готова отвечать на его вопросы в любое время дня и даже вечером, после чего проводила до двери.

Высотный дом на улице Космонавтов тянулся вдоль широкого четырехполосного шоссе. Универсам «Марго», магазин «Автозапчасти», святающиеся гирляндами зашторенные окна казино. Чтобы пройти к магазинам, нужно было припарковать машину прямо к обочине, затем по мощеным плиткой дорожкам через зеленый газон выйти на широкий тротуар, тянувшийся вдоль всего здания. Но вся левая сторона дороги была заставлена автомобилями, и только возле казино имелись свободные места. Это был самый настоящий парковочный карман автомобилей на двадцать. Сейчас там стояло машин пять. И когда Павел поставил между ними свою «девятку», с крыльца казино к нему немедленно направился парень в черных брюках и белой рубашке. Он был среднего роста, худощавый, но, видимо, чувствовал за спиной более значимую силу, чем представлял собой сам, поэтому двигался вальяжно, несуетливо, расправив плечи так, будто в них косая сажа. На лице лениво-небрежная улыбка.

– Вы в казино? – с надменной какой-то вежливостью спросил он.

Павел глянул на электронное табло, висевшее над входом в заведение. Половина второго пополудни.

– А оно что, уже работает?

– Да, у нас отличный зал автоматов.

– Нет, мне в универсам надо, – признался Никифоров.

И паренек мгновенно изменился в лице.

– Тогда переставьте машину, здесь стоянка только для клиентов казино.

– Какие, говоришь, у вас автоматы? – достав служебное удостоверение, спросил Павел. – «АКМ» или «ППШ»? Может, еще и пистолеты есть?

– Э-э, нет у нас ничего такого, – смутился парень.

– Так мы можем проверить.

– Не надо, – махнул рукой он, удаляясь.

Вопрос с парковкой был решен, и Никифоров отправился в универсам за бесплатной, но, возможно, ценной информацией. Он проходил мимо автомагазина, когда столкнулся со своим гражданским зятем. Столкнулся в буквальном смысле, поскольку тот спешил ему наперерез, не разбирая дороги.

Слава обладал внушительной комплекцией, а после того, как его некогда спортивная фигура подернулась жирком, стал весить больше центнера. К тому же он спешил, и скорость, с которой он двигался, заметно увеличивала его инертную массу. Словом, врезавшись на полном ходу в Павла, он должен был сбить его с ног, но вместо этого сам отскочил, как мячик. Не так просто было сдвинуть с места капитана Никифорова.

– Щекин, у тебя с головой все в порядке? – глядя на растерянного парня, спросил он.

От удара у него заныло плечо, но это его не очень-то

смушало. Слава, в отличие от него, пострадал больше: не очень приятно на скорости налететь солнечным сплетением на подставленный локоть.

– Паша... Э-э, Павел Михайлович, – изумленно хлопал глазами парень. – Ну, ты, в натуре, и глыба!

– А это потому, что мужским делом занимаюсь...

– Ага, знаю, как вы там делом занимаетесь! – пренебрежительно скривился парень. – Людей среди дня мочат! Бес-предел!

Он невольно кивнул в сторону казино, отчего его бульдожьей щеки колыхнулись, как холодец.

– Это каких таких людей мочат? – подозрительно сощурился Никифоров.

– Да был тут один, – Павел снова повел головой, но в другую сторону.

– Олег Блинков?

– А ты что, его знаешь?

– Ты что, не знаешь, где я работаю?

– Что, по этому делу?

– Ни о чем со мной поговорить не хочешь? – Павел пристально, с нажимом смотрел на Славу.

– А о чем надо?

– Я смотрю, тебя казино смущает.

– Да нет, не смущает.

Глазки у Славы пугливо забежали, и это подсказало Никифорову, что направление удара он выбрал верно.

– Вынужден с тобой не согласиться, зятек... Маша говорила, что проблемы у тебя. Вроде бы ты собирался во всем разобраться. А мне кажется, что это у тебя не получается.

– Ну, когда кажется, сам знаешь, что делать надо.

– Я знаю, что делать. Только не знаю, успеешь ли ты пере-креститься. Вот ты сейчас куда-то идешь. И Блинков домой шел, когда с ним это случилось. Подъехала машина, и ага...

– А тебе что, известно что-то? – не на шутку встревожился Слава.

– Известно. А с тобой поговорю, так еще больше узнаю.

– Ну, ладно, пошли.

В салоне автомагазина пахло новой резиной, и настолько сильно, что другие запахи просто не замечались. Просторное, хорошо освещенное помещение, заставленное стеллажами с товаром, касса, три рабочих места продавца. Слава провел Павла в подсобку, где в одном из помещений у него было нечто вроде кабинета, совмещенного со складом. Коробки, канистры с маслом, лобовые стекла, глушители, колесные диски.

– Это не самый главный мой офис, хотя и не последний, – усаживаясь в директорское кресло, сказал Слава. Павлу показал на единственный свободный стул. – Хотя и не последний. Торговля хорошо идет...

– И в «Марго» дела хорошо идут. Может, Блинкова за это и порешили? – Никифоров пристально смотрел на своего собеседника, будто пытался его загипнотизировать.

– Да запросто. Я вот эту лавочку тоже, наверное, сверну. Да не наверное, а точно. Я еще пожить хочу...

– Что, все так серьезно?

– Да я думал, что не очень. Хотя сразу просек, что люди серьезные. А теперь я точно знаю, откуда уши растут...

– Если можно, давай с самого начала.

– Да что тут начинать, когда уже заканчивать пора. Ну, пришли ко мне двое, так, мол, и так, магазин продать надо. Ну, я, само собой, отказался. Столько нервов потратил, чтобы в собственность все оформить, а тут какой-то умный подвалил на все готовое. Да и торговля неплохая здесь... В общем, отказал им. А они, смотри, говорят, не пожалей... Я еще подумал, кому мой магазин нужен? А «Седьмой орбите» он нужен. Директор казино ко мне как-то подходил, так, мол, и так, может, отдашь магазин, нам расширяться надо, а для этого площади нужны. Я ему тогда отказал. И забыл. А тут эти двое. Они про «Седьмую орбиту» ничего не говорили, но я еще подумал, может, оттуда? Ну, думаю, если так, то подожду немного, подойдут снова, а я им цену подниму. Жду, а сам нервничаю, может, неправильно что делаю, может, позвонить надо, сказать, что передумал. А сегодня утром узнаю, что Блинкова завалили. Он же тоже отказался... Ну, думаю, все – приплыли. Этим позвонил, сказал, что согласен...

– Значит, из казино ветер дует?

– Ну, точно не скажу... Хотя да, оттуда. «Седьмая орбита»

под нас роет. Но я думал, что это у них не очень серьезно. И Олег тоже так думал. А зря... Если его грохнули, значит, все очень серьезно.

– А ты уверен, что его из-за этого убили? Насколько я знаю, его убили, чтобы ограбить...

– А ты думаешь, киллеры у Бурбона дураки? Совсем нет. Поэтому под ограбление и сработали. Из-за магазина Олега убили, из-за магазина. У Бурбона это за просто...

Павел не нуждался в объяснениях, он и без того знал, кто такой Бурбон. Очень известная личность в криминальном мире, хотя, насколько он знал, в лицо его видели немногие. Человек этот вел скрытный образ жизни, на людях появлялся редко, в делах воровской общины участия не принимал, в сходках не участвовал, хотя в свое время отсидел срок за вооруженный разбой. Дружбы с кем-нибудь из сильных мира сего он особой не водил, но знали его многие. Знали и боялись. Потому что Бурбон умел отвечать ударом на удар. Даже принцип «око за око» к нему не очень-то был применим. Выбьешь ему глаз – так он в ответ голову оторвет. Вся его сила держалась на страхе, который он умел нагнетать. Поэтому одно только его имя наводило на Славу ужас...

– А причем здесь Бурбон? – озадаченно спросил Павел.

– Да ведь это казино его семье принадлежит.

– Семье?

– А чего тут такого? У него реальная семья. Сынки у него такие же отморозки, как и он сам... Ему и бригада не нужна,

у него четыре сына, им только покажи, – любого порвут. Он и без того весь город за яйца держит...

– Весь?!

– Слушай, Павел Михайлович, ты что, – с луны свалился? У него два рынка в городе, Центральный и Северный. Раньше как было? Раньше братва эти рынки держала, а сейчас он ими реально владеет, на законных, так сказать, основаниях. И рынки уже не те, сам знаешь, как там все поднялось. Крытые павильоны, крытые ряды...

– Плавали, знаем, – кивнул Павел.

Действительно, оба рынка, о которых говорил Слава, за последние годы расцвели пластиковым светом, чистоту там навели, порядок, приятно ходить по рядам, по светлым павильонам.

– Ты хоть представляешь, какие там бабки крутятся? Мне лично такие и не снились. А контрабанды там сколько, а контрафакта! – разошелся Слава.

– Сколько?

– Э-э, я тебе ничего не говорил, – тут же осекся парень. – Нет там ничего такого...

– Ну не говорил и не говорил...

– Говорил. Про рынки говорил. И про казино, через которые Бурбон деньги отмывает. Думаешь, только свои деньги? На эти рынки городская администрация круто завязана, кто там, чего и сколько – этого я не знаю. Но мафия там, я тебе скажу, реальная. Вот потому я и говорю, что Бурбон имеет

весь город... А знаешь, кто рынки охраняет?

– Я не знаю, кто рынки охраняет. Я знаю, кто охраняет весь город.

– Я тебя умоляю! Только не говори, что милиция!

– Ну, милиция само собой. И еще охранная фирма «Гарант». Но лучше бы ее назвали «Паук», в честь ее основателя Паука, пардон, Шестакова Леонида... Вот отчество запомнил, не так часто я с ним пересекаюсь, чтобы запомнить...

– Да я тоже не знаю отчества. Знаю только, что Паук – такая глыба, что весь город под ним...

– Что-то я не понял. То Бурбону город принадлежит, то Пауку. Ты уж как-нибудь определись, – насмешливо посоветовал Павел.

Впрочем, ничего смешного в том, о чем они говорили не было. Впервые Паук дал о себе знать в середине девяностых, а к началу нового тысячелетия от бандитских группировок, деливших город между собой, не осталось и следа. Паук со своими бригадами попросту их сожрал, полностью оправдав свою кличку. Если поместить в одну банку дюжину пауков, рано или поздно, в ней останется только один, самый сильный и прожорливый. Сейчас Паук, он же депутат городской думы – Леонид Шестаков, владел охранной фирмой «Гарант», которая, как гигантская паутина, опутывала весь город. Все, что было можно, охранялось в городе именно этим предприятием, за приличные, разумеется, деньги. Легальное крышевание коммерческих и даже государствен-

ных объектов – иначе эту схему и не назовешь. Единственно, кого Шестаков допускал в эту сферу, была вневедомственная охрана. Но тут он просто вынужден был подвинуться, потому что конфликтовать с милицией – себе дороже. Можно договориться с кем-то из ГУВД, но всю систему подчинить себе невозможно. Подобное существует только в головах журналистов-фантастов...

– А чего тут определяться? – фыркнул Слава. – Один имеет город в хвост, другой – в гриву. И ничего, летит себе вертолет и не падает. А потому что Бурбон и Паук умеют договариваться. Потому я и спрашиваю, кто охраняет рынки? Фирма «Гарант» охраняет, и Бурбон конкретно Пауку за крышу отстегивает. И с ворами у них все на мази, если тебе это, конечно, интересно.

– Все-то ты знаешь? – усмехнулся Никифоров. – Может, сам когда-то с Пауком зажигал, а, Слава?

Разумеется, он в свое время наводил справки о своем гражданском зяте, но ничего криминального за ним не нашел. Не судим, приводов не имел, в криминальных сводках не значился. Но это вовсе не значило, что с ним все чисто. Есть же преступники, о которых ничего неизвестно.

– Может, и зажигал. Но не с Пауком. Хобот был, его потом Паук сожрал, еще в девяносто седьмом. Но я там так, по мелочи был, мокрого за мной ничего не числится, на разборки ездили, вот и все дела... Но на деньги немного поднялся, вот бизнес раскрутил, четыре магазина... Блин, уже три.

– А чего три? Ты же крутой, вспомни молодость, поставь Бурбона на понятия.

– Э-эх, Павел Михайлович, издеваешься! – укоризненно покачал головой Слава. – Я тебе душу, так сказать, открыл, а ты ежа мне кидаешь! Расклады, как на духу, дал, а ты?

– Ну, извини, если обидел.

– Да я никогда не обижаюсь. Разозлиться могу, а обидеться – нет, не в моих это правилах. Не надо было мне душу открывать...

– Ты мне лучше скажи, почему ты ее открыл? Страшно стало, потому и открыл... Я так понимаю, помочь тебе никто не сможет. Нет у тебя силы, чтобы тягаться с Бурбоном.

– Что правда, то правда. Но то Бурбон, а то ты. Вот пошлю тебя сейчас куда подальше, чтоб не подкалывал.

– Так пошли, в чем проблема?

– Ну да, а кто меня потом в курсе будет держать? Ты же Блинковым занялся, а меня это дело конкретно интересует. Как бы самому потерпевшим не стать, да?

– Но ты же уже позвонил этим, которые к тебе приходили. Чего тогда переживаешь?

– Да, позвонил. Только они сказали мне, что подумают. Место, говорят, здесь беспокойное, людей убивают. Знают, что Блинкова завалили. Знают! Сами к этому руку приложили, а теперь еще и воду мутят. Район беспокойный... Знаешь, почему они так сказали? А поняли, что я на измену сел. Ну, то есть испугался... Чего теперь со мной церемониться?

Дадут бросовую цену, попробуй, потом откажись. А ведь дадут...

– А ты им говорил, почему сдаешься? Про убийство Блинкова говорил?

– Нет. Но ведь они в курсе. Сами про него сказали. Они, они за этим делом стоят, можешь не сомневаться...

– А кто они, эти люди? Они же как-то представлялись?

– Да нет, не представлялись. Просто сказали, что интерес имеют... А если бы представились, я бы тебе, Павел Михайлович, не сказал, – откровенно признался Слава. – Мне Блинков другом не был, я за него подписываться не стану. Что знал, то сказал, а больше от меня ничего не жди. Мне, сам должен понимать, жизнь дорога. Да и о Машке подумай. Если вдруг что, то и ей может достаться...

– Логично, – кивнул Павел. – Поэтому я и не буду впутывать тебя в это дело. Но за информацию спасибо...

Насколько он понимал, Слава Щекин владел своим магазином на правах собственности, Блинков же арендовал торговую площадь. Поэтому Бурбон с него и начал. Если это, конечно, Бурбон и его семья... Он заказал Блинкова или нет, но в любом случае в этом убийстве просматривалась четкая логика. Арендатор погиб, и нет никакого смысла договариваться с его женой, которая особых прав на торговую площадь не имела. Вопрос будет решаться через мэрию, а если у Бурбона там связи, то это право перейдет к нему. А заодно мафия запугала Славу, который морально уже готов усту-

пить свой магазин по бросовой цене.

Слава мог бы побороться за свое право на место у печки, но Павел не хотел, чтобы он сопротивлялся. И все из-за дочери. Не хотел он, чтобы Маша пострадала...

Павел представил, как Слава и Маша идут по городу, и вдруг перед ними останавливается машина. Из нее выходит тот самый киллер, который убил Блинкова. Это нервный человек, суетливый, ему нужен только Щекин, но в суматохе он может выстрелить и в Машу. А еще он может в это время потерять очки или у него отклеится борода. Маша станет еще и опасным свидетелем. Тогда ее точно уберут...

Слава собирался отказаться от магазина. Но вдруг он передумает? Вдруг Бурбон приговорит и его, а вместе с ним и Машу? Нет, не стоит полагаться на Щекина, на его добрую, затравленную волю. Надо найти заказчика, вырвать ядовитый зуб.

Никифоров отправился в универсам, нашел там главного администратора – холеного розовощекого толстячка, но тот от комментариев отказался. Сказал, что Блинкову действительно предлагали освободить место, но кто это сделал, когда и зачем – все это было скрыто за пугливым «не знаю».

Глава 5

Легкий ветерок что-то ласково нашептывал плакучей иве, склонившейся над водой; может, утешал ее, чтобы не лила она горькие слезы. Серовато-бурая утка с белыми пестринками важно плыла вдоль камышовых зарослей, не глядя на выводок из четырех утят, следующий за ней в фарватере. На лодку пернатые не обращали внимания, видимо, привыкли, что люди не трогают их, не обижают. Зато лягушку, греющуюся на камне, встревожил шлепок, с которым Павел опустил в воду весло; высоко подпрыгнув, она с бульканьем исчезла под широким листом кувшинки.

– Никифоров, тебе что, заняться нечем? – Ульяна смотрела на Павла с упреком, но весело.

Ей нравилось плыть с ним в лодке, греться на солнышке, любоваться живописным островком посреди пруда. Только что она сидела за бумагами в своем кабинете, и вдруг такая метаморфоза: парк, лодка, кавалер на веслах, холодное пиво, две пластиковые тарелки с шашлыком... Она уже сняла китель, оставшись в рубашке с погонами.

Здание прокуратуры примыкало к городскому парку. Павел позвонил Ульяне и, не спрашивая у нее согласия, назначил ей встречу в летнем кафе. Он прибыл туда первым, сделал и даже получил заказ, но Цветкова все не появлялась. А он сидел в одиночестве и смотрел на пруд, по которому

плавали лодки...

Он вспомнил, как давным-давно катал на лодке Лену. Тогда они еще учились в школе и были совсем юными. В те времена он о других женщинах и не думал. Им обоим казалось, что впереди долгая и счастливая жизнь. Знала бы Лена, какой сволочью окажется ее будущий муж. Ни разу после свадьбы они не катались в лодке на этом пруду. И если бы только это...

Цветкова позвонила, сказал, что уже идет, и Павел, сам от себя того не ожидая, спустился к лодочной станции, купил билет, и Ульяне уже ничего не оставалось, как присоединиться к нему.

Прекрасная погода, тепло и солнечно, только на душе пасмурно. И все потому, что рядом нет Лены. Зато появилось чувство, будто он ей изменяет. А ведь Ульяна всего лишь коллега, не более того...

– А если у меня важный разговор? – невесело спросил он.

– Если ты хочешь сделать мне предложение, то учти, я замужем, – иронично повела она бровью.

– Смотря какое предложение... Есть предложения, от которых невозможно отказаться.

– Например?

– Например, освободить магазин, вернее, помещение под него.

– У меня нет магазина.

– У Блинкова был. К нему пришли двое, предложили

освободить площадь. Вот это и было то предложение, от которого нельзя было отказываться. Он отказался – и все, нет его больше...

– Что-то я тебя не понимаю.

– Зато я все прекрасно понимаю. Потому и назначил тебе встречу в парке. Я слышал, у Бурбона все везде схвачено, в том числе и в вашей прокуратуре...

– У какого еще Бурбона? – с еще большим недоумением спросила Ульяна.

– Бурыбин Савелий Федорович со сыновья. Эта фирма владеет Центральным и Северным рынком. Там у них крутятся и легальные деньги, и нелегальные. А черный нал прокручивается через казино, которым они владеют. Одно такое казино находится на улице Космонавтов. Оно сейчас расширяется. И знаешь, за счет чего? За счет магазина, которым владел Блинков. Там есть еще и другой магазин, автозапчасти, так вот, его владельцу тоже сделали предложение, от которого он очень боится отказаться. Не хочет повторить судьбу Блинкова. Скорее всего, и этот магазин исчезнет, а казино «Седьмая орбита» получит новые площади...

– Хочешь сказать, что с Блинковым расправилась мафия?

– «Пять» за сообразительность.

– И тебе столько же, за чувство юмора, – колко усмехнулась Ульяна.

– Но я серьезно.

– Я тоже... Мафия – это несерьезно. Надо версию ограб-

ления отрабатывать.

– Нет, мафия – это как раз очень серьезно. Настолько серьезно, что легче отрабатывать версию ограбления. Это хоть и тупиковая ветвь, зато безопасно...

– Ты думаешь, я боюсь? – возмущено надулась Цветкова.

– А ты думаешь, нас не смогут остановить? Я наводил справки, Бурыбин – страшный человек. РУБОП уже давно имеет на него зуб, но ничего не может поделать. Я тебе даже больше скажу: за последние несколько лет рубоповцы потеряли трех своих сотрудников, и есть мнение, что это дело рук Бурыбина. Мнение, да, есть, но доказательств нет... У Бурыбина связи на всех уровнях власти, и голыми руками его не возьмешь. Свалить его могут только железные доказательства, но вот их нет... Это страшный человек, – повторил Павел.

Сегодня утром он разговаривал с человеком из РУБОП и очень много узнал про Бурыбина и его семью. Поэтому и возникло желание поговорить с Ульяной на нейтральной территории, вдали от посторонних ушей.

– Мне-то терять нечего. Дочь уже взрослая, а за свою жизнь я давно уже не держусь. А у тебя муж, ребенок... Сколько дочери лет?

– Сыну... Четыре годика... – Цветкова растерянно смотрела на Павла. – Неужели все так серьезно?

– Да. И если мы начнем копать под «Седьмую орбиту», у нас могут возникнуть большие проблемы.

– Но ведь у нас нет доказательств, что «Седьмая орбита» виновна в гибели Блинкова, – занервничала следователь.

– «Седьмая орбита» не может быть в этом виновна. Виновны конкретные люди. Их и нужно искать.

– Как?

– Как обычно? Розыск, оперативно-следственные действия, все как по учебнику.

– Но там же мафия.

– Вот видишь, тебе уже страшно. Но ты не бойся, тебя в это болото я не потащу. Твое дело протоколы вести, а мое – доказательную базу собирать.

– Э-э, может, все-таки ограбление?

– Ты – следователь, тебе и решать, какую версию гнуть. Но я «Седьмой орбитой» займусь...

– И что от меня требуется?

– Директора «Седьмой орбиты» на допрос вызвать. Лихопасов его фамилия, Эдуард Михайлович. Кстати, он женат на дочери Бурыбина. Как тебе это нравится?

– Ну, женат и женат. Хочешь, чтобы я его допросила? – зыбким голосом спросила Цветкова.

– Нет, с тебя повестка за твоей подписью, а там уж я сам с ним поговорю.

– Ну, повестку я сделаю...

Наблюдая за Ульяной, Павел понял, что у нее уже пропал интерес и к природе, и к нему самому. Бутылку пива она выпила, но не для того, чтобы освежиться. Она волновалась, и

ей нужно было успокоиться. К шашлыкам она даже не при-
тронулась, хотя вначале проявила к ним интерес. Видимо,
информация о серьезной опасности отбила у нее аппетит.

С шашлыками Павел справился сам – уже в машине, ожи-
дая, когда Ульяна подготовит повестку.

Ждать пришлось долго. В конце концов, Никифоров не
вытерпел и отправился к ней. Ульяна сидела за столом и в
глубоком раздумье крутила в руках типографский бланк из
серой бумаги. Увидев Павла, вздрогнула так, будто он ули-
чил ее в чем-то непотребном.

– Где повестка? – резко спросил он.

– Вот!

Она протянула ему бланк, но тут же одернула руку, как
будто испугалась, что повестка попадет к нему.

– Чего ты боишься? – подзуживающе спросил он.

– Я боюсь?!. Не боюсь...

Она снова протянула ему повестку, но в этот раз отдер-
нуть ее не успела: Павел оказался проворней и вырвал у нее
бланк.

– Теперь я вижу, что ты ничего не боишься, – сказал он,
пытаясь скрыть иронию.

– Боюсь... Я знаю, что такое Центральный рынок, там,
правда, мафия. И если «Седьмая орбита» с этим делом заод-
но, то с ней лучше не связываться...

– Вот и разрабатывай версию ограбления. Я тебе даже по-
могу. Но потом, после «Седьмой орбиты». Если вернусь...

Он шутиливо улыбнулся, но Цветкова к его словам отнеслась очень серьезно. И даже посмотрела на него так, будто прощалась с ним навсегда...

К своей машине Павел возвращался в унылом настроении. Он действительно не боялся за себя, но его очень смущал тот страх, которым так легко заразилась Ульяна. Ей достаточно было узнать, кто такой Бурыбин, и чем он занимается, чтобы испугаться. А ведь она работник прокуратуры, человек, который обязан быть на острие событий, бороться с преступностью, не щадя своей жизни. Что уж говорить об обывателе, которого волнует только собственная шкура?.. Бурыбин и ему подобные должны были бояться закона, но, похоже, все как раз наоборот. Закон слишком гуманный, уголовно-процессуальный кодекс слишком щепетильный, чтобы воспринимать его всерьез. Зато мафия не церемонится – чуть что не так, и смертный приговор уже готов, а исполнители всегда под рукой. Следствие ужом должно вывернуться, чтобы найти хоть какое-то доказательство против мафии, а сколько сил и терпения нужно, чтобы выиграть процесс в суде. А Бурыбину достаточно показать на ту же Цветкову, и завтра же она выйдет из игры. Если не запугают, то убьют. Скорее всего запугают, потому что она уже сейчас боится. А ведь угроза со стороны мафии пока что еще мифическая. Но страх уже есть. С той жестокостью, с какой был убит Блинков, Бурбон мог расправиться и с Цветковой. Она это понимает, поэтому и боится связываться с ним.

Павлу же терять нечего, и он готов бросить вызов мафии. Но, похоже, бороться с ней придется в одиночестве.

Он подъехал к казино «Седьмая орбита», и к нему тотчас устремился незнакомый охранник в белой рубашке. Невысокого роста, но широкоплечий парень с бритой головой. Вежливое обращение на «вы», приглашение посетить игровой зал, но во всех этих словах чувствовалось высокомерие холопа, прислуживающего могущественному господину. В глазах этого парня Павел был никем. И все потому, что его «девятка» не выдерживала никакой критики. Какая машина, такой и ее хозяин. И даже если на тебе будет бархатный пиджак с бриллиантовыми стразами, все равно ты не поднимешься в глазах охранника, который видел тебя за рулем «девятки»... К тому же не было у Павла бриллиантов.

– А просто чашечку кофе можно выпить? – недовольно спросил Никифоров.

Ему не нравилось, что у охранника сложилось нелестное о нем представление. Он давно уже привык не обращать внимания на столь небрежное к себе отношение, но все равно было неприятно.

– Можно. Только у нас кофе дорогое.

– Не дорогое, а дорогой, – Павел легонько щелкнул по галстуку-бабочке на шее охранника.

– А что, есть разница? – хмыкнул тот. – Что дорогой, что дорогое, все равно платить придется.

– Логично. Но я сначала выиграю деньги, а потом уже ко-

фе себя побалую.

– Пойдемте, я покажу, где можно выиграть.

Охранник провел Павла в круглый холл, из которого можно было пройти в зал игровых автоматов. Там же был и арочный вход в роскошный, отделанный мрамором и хромом вестибюль с переходом в большой зал.

– Я слышал, тут у вас танцуют стриптиз? – спросил Павел.

– Это до вечера ждать надо, – сказал охранник, кивком головы показав на мраморный вестибюль. – Тогда и рулетка крутиться будет, и девочки зажгут. А сейчас только игровые автоматы.

Никифоров шагнул в сторону арочного входа, но парень среагировал мгновенно, перекрыл путь.

– Туда сейчас нельзя, – еще вежливо, но уже с угрозой сказал он.

– А если мне к Лихопасову нужно?

– К кому? – опешил охранник.

Остатки учтивости растворились в сумерках, которыми подернулся его взгляд.

– Ты что, не знаешь, кто такой Лихопасов? – спросил Павел, предъявив служебное удостоверение.

– Э-э... Да я-то знаю... – растерянно пробормотал парень. – Только к нему никого не велено пускать. И все равно, что вы из милиции...

– Я не просто милиция, – миролюбиво сказал Павел. – Я еще и почтальон. Вот, повестку твоему боссу доставил... Ви-

дишь, Лихопасову Эдуарду Михайловичу, прибыть в прокуратуру завтра, в одиннадцать часов тридцать минут. Вопросы?

– Ну, я сам ему отнесу.

– Ты не понял, тут корешок, он должен в нем расписаться.

– Распишется, а корешок я вам отдам...

– Откуда я узнаю, кто там расписался? Может, уборщица тетя Глаша?

– Э-э, но я не могу вас к нему пропустить.

– Тогда я уйду. Я уйду, а завтра сюда придет группа спецназа и твоего босса поставят в позу «ку». Угадай, в какую позу потом поставят тебя самого? И кто?

– Ну, я должен начальнику охраны доложить.

Лед тронулся, хоть и с треском, и информация о повестке дошла до директора казино. Но прошло не меньше часа, прежде чем Павлу дали зеленый свет. Появившийся начальник охраны вежливо попросил у Павла пистолет, но тот отдал ему только две штатные обоймы.

Лихопасов принял его в своем кабинете. Важный, сосредоточенный, он с умным видом записывал что-то в блокнот, заглядывая в толстую книгу, лежавшую справа от него... Писал правой рукой, вроде бы книга должна была находиться слева от него. Или у него манера так переписывать, или делал он это для отвода глаз, изображая чрезвычайную занятость.

Не глядя на посетителя, он скупым движением руки показал ему на кресло за приставным столом. И только когда Па-

вел сел, оторвался от своего занятия, неприветливо и хмуро глянул на него.

– Если вы по поводу жалобы, то мы все уже уладили, – поморщившись, сказал он.

Лихопасов производил впечатление человека сильного, но не очень решительного. Высокий и в меру упитанный, широкоплечий, но рыхловатый. Он обладал взглядом человека, привыкшего, чтобы его уважали, но Павел не видел в нем того стержня, который присущ людям, безоговорочно уверенным в собственных силах. Похоже, Лихопасов считал себя влиятельным человеком, но при этом понимал, что без поддержки со стороны он ничего не стоил.

– По поводу какой жалобы? – удивленно посмотрел на него Павел.

Он постарался скрыть усмешку. Ему казалось, что Лихопасов играет какую-то роль. Он сам придумал себе жалобу, о которой сейчас шел разговор, и это было видно, по неумовным спазмам лицевых мышц, которые возникают у бездарного лицедея, пытающегося потрясти зрителя безупречной игрой. И взгляд у директора казино дернулся, как стрелка сдвинутого с места компаса – резко качнулся из стороны в сторону и, вздрогнув, застыл на месте.

– Жильцы дома жалобу составили, обещали в прокуратуру отнести... А разве нет?

Лихопасов попробовал изобразить удивление, но вышло это у него не очень удачно. Во всяком случае, Павел почув-

ствовал его притворство.

– С того света на вас жалоба поступила. От гражданина Блинкова.

Павел внимательно смотрел на собеседника, и заметил, как лихорадочно завибрировал его взгляд. Лихопасов пытался сохранять спокойствие, но в душе у него минорно гудела толстая струна контрабаса.

– А кто это такой?

– Ну, как же так? Вы же с ним вместе работаете.

– Вместе работаем?! – на этот раз удивление Лихопасова показалось Павлу искренним.

– Ну, не то, чтобы рука об руку, а на одном этаже работаете. Блинкову принадлежит универсам «Марго», тут, недалеко, на одном этаже с вашим казино...

– «Марго»? Ну, знаю такой универсам. А кому он принадлежит, понятия не имею... Я не понял, вы что, допрашиваете меня?

– А что, есть повод вас допросить?

– Что-то я не понял... Э-э....

– Майор Никифоров, уголовный розыск.

– Вы что, запутать меня хотите, майор? Так это у вас не получится.

– Да я и не собирался.

– А мне все равно, собирались вы или нет. Без адвоката я и слова не скажу.

– Жаль, – сокрушенно вздохнул Павел. – Я хотел вам по-

мочь.

– Мне?! Помочь?!

– Ну, во-первых, вручить повестку.

Павел достал из кармана заполненный бланк, неторопливо оторвал корешок.

– Одна половина вам, на другой, пожалуйста, распишитесь...

Какое-то время Лихопасов хмурил брови, изучая повестку, затем негодуя спросил:

– Кто вам сказал, что я буду расписываться?

– А разве нет? – пристально посмотрел на него Никифоров.

– Без адвоката – нет.

– А когда он подъедет? – спросил Павел так, будто точно знал, что адвокат уже в пути.

– Скоро, – также четко ответил директор казино.

– Ну что ж, подождем. Тем более мне все равно, подпишете вы повестку или нет.

– То есть как это все равно?

– Дело дрань, Эдуард Михайлович, скажу вам об этом откровенно. Вот я и думаю, может, вам помочь? Ну, небескорыстно, разумеется...

Повесткой Павел воспользовался не только как пропуском; он хотел использовать ее как средство, чтобы сбить оппонента с толку. Он же приехал к Лихопасову совсем не для того, чтобы допросить его. Он всего лишь почтальон, пере-

даточное звено, а значит, опасности как бы и не представляет. Но при этом он в курсе дела, и, в принципе, мог бы участвовать на стороне Лихопасова... Помогать подозреваемому он не станет, но голову ему заморочит.

– Небескорыстно? – хоть и презрительно, но с определенным интересом посмотрел на него Лихопасов. – Что-то я вас не совсем понимаю... И вообще, в чем, черт возьми, меня обвиняют?

– Я так понял, вы ничего не понимаете, – поощрительно улыбнулся Павел.

– Нет!

– Что ж, это для вас большой плюс. Потому что к убийству Блинкова вы не имеете никакого отношения.

– Его что, убили?

Никифоров окончательно перешел на доверительный тон, и Лихопасов, похоже, расслабился. Поэтому запах фальши только усилился.

– Да, позавчера. По дороге домой...

– А я здесь при чем?

– Вот и я думаю, при чем здесь вы? Ну, мешал вам Блинков, ну и что? Это же не значит, что его нужно убивать.

– Не значит, – в раздумье кивнул Лихопасов. – Да и кто вам сказал, что какой-то Блинков мне мешал?

– Да мне в прокуратуре сказали... Я версию ограбления рассматриваю, а следователь уперся и свое гнет. Информацию он получил, что казино «Седьмое небо»... э-э, извините,

«Седьмая орбита»... В общем, ваше казино расширяться собирается, и за счет соседних магазинов. Универсамом владеет гражданин Блинков, автозапчасти принадлежат Щекину, к ним обоим, говорят, приходили какие-то подозрительные личности. Подозрительные, но какие-то... то есть ничего конкретного. Освобождайте, говорят, помещения, или пожалеете. А кто они такие, откуда – никто не знает. Одни только догадки, что ваше казино их прислало. То есть от вас они приходили, Эдуард Михайлович.

– Вранье! Никто от меня не приходил! – возмущенно воскликнул Лихопасов.

Он внимательно смотрел на Павла, ломая голову над тем, правду он сочувствует ему или водит за нос.

– Вот и я так же думаю! – приложив руку к груди, заверил его Никифоров.

– И правильно думаете... Не собираемся мы расширяться. Мы, вообще, в центр собираемся переезжать.

– Э-э, мне все равно, куда вы там переезжаете. Мое дело убийство раскрыть, ну, Блинкова. А тут прокуратура со своей дурацкой версией. Вот я и решил с вами поговорить, потому и повестку сам принес... Понимаете в чем дело, я версию ограбления рассматриваю, я вам это уже говорил. Так вот, я уже и человека нашел, который во всем сознался...

– Какого человека? – заинтригованно всколыхнулся Лихопасов.

– Ну, есть там один. На нем и разбой, и трупы. Я его при-

жал, он мне все и рассказал, как Блинкова убил... Я вам даже больше скажу, он мне даже парик представил, и бороду...

– Какой парик?

Судя по тому, как жадно директор внимал Павлу, ему очень интересна была тема этого разговора. И неспроста все это.

– Ну, преступник в парике был. Парик, борода, очки солнцезащитные...

– Очки? – пытаюсь скрыть волнение, повел бровью Лихопасов.

– Да, они не только от солнца защищают, но и от посторонних глаз. В общем, и бороду мы у этого деятеля нашли, и парик, и очки. Только очки какие-то странные...

– В смысле, странные? – животрепещуще спросил директор.

– Ну, дужки не сгибаются. У очков обычно дужки сгибаются, а эти мертво на месте стоят. Что та дужка, что другая...

– Да, да, бывает такое.

Павлу показалось, что Лихопасов почувствовал облегчение. Возможно, решил, что следствие не знает про сломанную дужку. Не нашли ее, не приобщили к делу, а значит, и отпечатков пальцев не осталось.

Теперь самому Павлу приходилось скрывать волнение. Никак не думал он, что Лихопасов лично принимал участие в убийстве Блинкова. Все-таки он был родственником Бурбона, пусть и по жене, но все-таки. Не стал бы тесть посы-

лать зята на гиблое дело, тем более что и без него было кому этим заняться. Но может, Бурбон решил устроить Лихопасову проверку? Может, разозлился на него за что-то и решил наказать... Как бы то ни было, но похоже, Лихопасов знал про сломанную дужку очков. И если это действительно так, то на ней могли оказаться отпечатки именно его пальцев.

Павел предполагал, что будет иметь дело с заказчиком, но, возможно, перед ним сам исполнитель. Если так, то удача очень близко.

– Бывает, – хлопнув себя по карману куртки, смущенно улыбнулся Никифоров. – Вот я никогда сигареты не забывал, а тут вдруг пусто. В машине, наверное, оставил... Хотя у вас, наверное, и курить нельзя.

– Ну почему же нельзя, можно.

Лихопасов полез в ящик стола, достал оттуда пачку «Мальборо», протянул Павлу, дождался, когда тот возьмет сигарету. И сам он тоже угостился. Взял со стола зажигалку, высек шумный огонек.

Павел глубоко затянулся, с блаженным видом выдул из легких струю дыма.

– Сколько себя помню, столько пытаюсь бросить, – с упреком самому себе, сказал он.

Но Лихопасов проигнорировал его реплику. Видно, что не до праздных разговоров ему было.

– Так что там этот убийца?

– Какой убийца?! А-а, который Блинкова убил? Так это...

признался во всем. Барсетка ему Блинкова приглянулась, вот он и убил...

– Ну, если признался, я-то здесь при чем?

– Вот и я говорю, что не при чем. А прокурорские на казино показывают, там, дескать, зерно истины... Но я-то знаю, что почем. Вот и хочу вам помочь... Это, как говорится, ты мне – я тебе, – сконфуженно заулыбался Павел в ожидании встречного предложения.

Но Лихопасов искусно делал вид, что не понимает намеков.

– А то ведь адвокат сейчас приедет, ему платить надо, потом в прокуратуру ехать, время терять, а я раз-два и все, никаких проблем, – продолжал притворяться Никифоров.

– А что, есть проблемы?

– Ну да, у Роди Шмякова, ну, который в убийстве признался...

– А я здесь при чем?

– В том то и дело, что не при чем, – разочарованно вздохнул Павел.

Он дал понять, что сдался, осознав бессмысленность своих намеков. Чем вызвал торжествующую улыбку Лихопасова. Так радуется бизнесмен, совершивший выгодную сделку или избежавший неоправданных расходов.

– Протокол составлен, Шмяков уже в камере, завтра его будет допрашивать следователь... Вы, Эдуард Михайлович, завтра в прокуратуру позвоните, может, вам и ехать никуда

не надо.

– А я не собираюсь никуда ехать. И повестку я не получал.

– Ну как же так, я ради вас, понимаете ли, старался, а вы меня так подводите?

– Где это вы ради меня старались, уважаемый? Вы убийцу искали? Искали. Вы его нашли? Нашли. Благодарность от начальства получите? Вероятнее всего, да... А от меня вы что хотите?

– Э-э, ничего... Уже ничего... Ну, хотя сигаретами угостите!

Павел порывисто потянулся через стол к пачке сигарет. Лихопасов и спохватиться не успел, как она оказалась у него в кармане.

– Вы знаете, как это называется? – нахмутив брови, презрительно спросил он.

Павел сначала поднялся, повернулся к двери, а затем уже, на ходу, едва слышно произнес:

– С паршивой овцы хоть шерсти клок!

– Давай, давай, паршивая овца! И больше сюда не приходи!

Павел ожидал, что Лихопасов отдаст распоряжение задержать его, забрать сигареты, но ничего такого не случилось, и он беспрепятственно покинул казино. С одной стороны, хорошо, что удалось избежать конфликтов. С другой – безучастность Лихопасова обесценивала трофей, который Павел уносил с собой.

Глава 6

Рукоятка тренажера легко приближалась к груди, так же просто удалялась. Раз-два, раз-два... Казалось бы, ничего сложного. Разве что усталость начинает давить на мышцы. Но вес у блока небольшой, силы еще хватит, минимум, на пару минут.

– Так, немного назад отклонись... Спину не кругли, не надо! Блок резко не опускай!.. Руки распрямил – вдох! Рукоять опустил – выдох!.. Раз-два! Раз-два!..

Бум-дзынь, бум-дзынь... Все реже стучит отягощающий блок, сложенный из железных кирпичей. Усталость болью растекается по мышцам, но Эдуард не сдается. Ему нужно выбиться из сил, чтобы забыться и не думать больше о том, как низко он пал.

– Эй, дружок, может, хватит? – звонко спросила Лера.

Эффектная шатенка с узкой талией, рельефным животом и плотно накачанными бердами. Она взяла над Эдуардом шефство, но у него совершенно нет шансов закрутить с ней роман, хотя ее упругие формы нет-нет, но навевают порочные мысли. Лера – жена Стаса, старшего сына Савелия Федоровича. Во-первых, она предана мужу, как болонка, а во-вторых, любой неверный шаг в ее сторону мог закончиться для Эдуарда, как минимум, кастрацией.

– Хватит, я говорю! – Лера шлепнула его пластиковой

указкой по рукам. — Надорвешься, придурок!

Бумц! Тяжелый блок бухнулся на подставку и замер в ожидании следующего сета.

— Ну, зачем так грубо? — дружелюбно попенял девушке Семен. — Эдик — свой человек. А то, что надрывается, так это потому, что сильным хочет стать, да, Эдик?

Он подошел к Лихопасову, накручивая на ладонь эластичные бинты. Лицо потное, из-под мышек пышет запах пота, но на это сейчас никто не обращает внимания. Тренажерный зал гудит, как рабочий улей, все здесь трудятся в поте лица, а иначе нельзя. Стас здесь за старшего, а он не любит, когда кто-то работает в полсилы. И даже жену свою не щадит. Впрочем, она сама уже давно вошла во вкус и теперь вот гоняет Эдуарда.

А ведь еще несколько дней назад он не имел права посещать этот спортклуб. Здесь могли заниматься только избранные, только посвященные члены семьи. Именно обряд посвящения и прошел Эдуард, когда собственной рукой застрелил директора универсама «Марго»...

Его до сих пор бросало в жар от мысли, что свершилось непоправимое. Он убил человека, он убийца, он страшный грешник... А порой ему казалось, что все это дурной сон, кошмар, под впечатлением которого он до сих пор находится.

Действительно, все происходило как в кошмарном сне: этот парик, эта борода, эти очки... Семен сидел за рулем,

Ждан – на подстраховке. Они знали, что делать. Эдуард же просто ждал, когда появится жертва. Пистолет с глушителем, патрон в стволе. Он всего лишь ждал... Если бы не Семен, он бы, наверное, не смог выйти из машины. Но тот с силой ударил его в бок, заставил покинуть салон. А тут Блинков, идет, улыбается, думает о чем-то радостном. Увидел Эдуарда, остановился как вкопанный, парализовано смотрит на пистолет... «Давай, придурок! – закричал Семен. И этот вопль вывел его из состояния ступора. Рука с пистолетом поднялась на уровень плеча, палец нажал на спусковой крючок... Блинков упал, сжав пальцы, в которых находилась барсетка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.